

Игорь ЕВТИШЕНКОВ

1

БИЛБЭТ

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

Игорь Евтишенков

1. Билбэт. Из глубины веков

«Издательские решения»

Евтишенков И. Н.

1. Билбэт. Из глубины веков / И. Н. Евтишенков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-602870-8

Путешествие во времени невозможно, и сегодня это знают все. Оказаться в прошлом по чьей-то прихоти — это кажется невероятным. Однако жизнь и тайные силы прошлого не считаются с мнением людей.

ISBN 978-5-00-602870-8

© Евтишенков И. Н.
© Издательские решения

Содержание

БИЛБЭТ	6
Из глубины веков	6
«Особая благодарность...»	7
Глава 0. Задолго до начала	8
Глава 1. Странная книга	14
Глава 2. Ещё не время...	21
Глава 3. «Быстрее, выше, сильнее»	26
Глава 4. Нерадостное возвращение	32
Глава 5. Настойчивость и упрямство	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

1. Билбэт

Из глубины веков

Игорь Николаевич Евтишенков

© Игорь Николаевич Евтишенков, 2023

ISBN 978-5-0060-2870-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БИЛБЭТ

Из глубины веков

Часть первая

Воины Чингисхана уничтожили десятки стран и народов, завоевав полмира, однако не смогли покорить небольшое племя туматов. Сын Чингисхана по имени Джучи несколько раз посылал против них свои войска, но те каждый раз терпели поражение. В древних источниках есть упоминание, что люди этого племени могли сражаться без оружия, не боялись нападать на вооружённых монголов и умели забирать у них сабли и копья. И ещё они оказались хитрее самого Субэдэя, который не проиграл ни одной битвы. Однако туматы смогли перехитрить и его. Откуда взялось это племя? Какими знаниями и умениями оно обладало? И кто их всему этому научил?

Эти вопросы не сильно волновали Богдана, выпускника средней школы, мечтавшего заработать денег на отдельную квартиру. Так он надеялся убедить родителей любимой девушки в своей состоятельности. Однако те склонялись к другому, более надёжному варианту. Тем не менее Богдан верил в свои силы. Жизнь была полна надежд. Всё получалось и в спорте, и в учёбе. Однако нелепая случайность, ставшая результатом дурашливого поведения в музее, запустила цепь неожиданных событий. Странное совпадение открыло перед ним тайну прошлого, пробудив в горах и степи страшные силы зла, заключённые туда много веков назад их противниками. Жизнь изменилась, и на смену домашней обстановке пришла ужасная и суровая реальность древних веков. Богдан не верил в это и хотел как можно быстрее найти разгадку, чтобы вернуться домой. Однако для начала ему надо было выжить. Сначала в одиночку, а потом – вместе с племенем диких и суровых охотников, оказавшихся перед лицом смертельной опасности, грозившей им со стороны самых страшных и беспощадных врагов того времени.

«Особая благодарность...»

Особая благодарность:
Табунову Владимиру Ивановичу,
обладателю чёрного пояса школы Сэньэ

Глава 0. Задолго до начала

Чёрные, косматые тучи быстро проносились над степью, заставляя всё живое прятаться в ожидании предстоящей грозы. Облака почти касались земли своими рваными краями. Иногда от них отрывались серые хлопья и, отставая, долго висели над волнами сухого ковыля, в котором резвился взбудораженный ветер. Постепенно они таяли, уступая место следующим, таким же полупрозрачным серым пятнам из облачной паутины, похожей на потёртый войлок в жилище старого шамана.

Так видел степь юный охотник. Было уже довольно холодно. Осень стёрла яркие краски лета с травы и кустов. Ночью верхушки ковыля покрывались серебристым налётом изморози, и изо рта вылетали белые облачка пара. Юноша стоял на небольшом камне и, не обращая внимания на холод, вглядывался вдаль, вытянув шею. Там, в глубине бесконечных просторов пряталась страшная сила. Это был враг, жестокий и беспощадный. Он преследовал их племя уже много дней. Дальше идти было некуда: предгорье закончилось и впереди громоздились отвесные скалы.

На горизонте показались маленькие точки. Это были всадники. Юноша заметил их первым. И сразу помчался к вождю.

– Там! Я видел! – запыхавшись, выдохнул он. Ему никто не ответил. На лицах соплеменников застыло отчаяние. За спиной неприступной стеной высились угрюмые горы. И лишь в одном месте виднелся просвет. За ним чернел крутой обрыв. На дне безразлично блестела узкая полоска реки. Племя было обречено. Все до единого: дети, женщины и мужчины. Сильный порыв ветра сорвал у вождя шапку. Заплетённые в косу волосы, подхваченные могучим порывом, вытянулись за спиной в прямую линию. Она качалась в безмолвной тишине из стороны в сторону, как степной ковыль. Ужас сковал сердца несчастных людей, обречённых на страшную смерть. Холод проник в их несчастные души и вызвал иступлённую дрожь.

– Они пришли за мной! – слышался слабый голос. Это была жена вождя. Она какое-то время задумчиво смотрела в пустоту, а затем повернулась и медленно направилась вперёд. Со стороны казалось, что она не идёт, а плывёт по широким волнам травы.

– Стой! – вождь сделал шаг и взял её за руку. Дальше они пошли вместе. Остальные в оцепенении стояли, глядя им в спину. Их преследовали не зря. Жена вождя принадлежала к другому племени. Её отец был против этого союза. Поэтому она тайно ускакала с возлюбленным, и уже несколько лет они жили, скитаясь по степи. Но теперь бежать было некуда.

– Вы мне не нужны! – презрительно хмыкнул всадник, подъехав к двум одиноким фигурам. Лошадь захрапела, как будто почувствовала его раздражение. Остальные воины ждали приказа. – Где твой сын? – злобно прошипел он. – Ты успела родить змеёныша?!

Лошадь закружилась на месте, но сильная рука осадила её.

– Нет, нет!.. Не трогай его! – отчаянно закричала женщина. Главарь преследователей был из соседнего рода. Его брат должен был стать её мужем, но она опозорила их, убежав с другим. Расплата за это была одна – смерть. Но спешить было некуда. В голове у главаря были коварные замыслы.

– Найдите её сына! – крикнул он своим соплеменникам. – Эй, колдун! Готовься. Прямо здесь.

– Мой господин, скоро начнётся гроза, – проблеял испуганным голосом маленький сухонький человек, с трудом державшийся на лошади в самом конце. – Степь шумит. Облака идут. Дождь потушит костёр.

– Я сказал, сейчас! – рявкнул главарь, и бедный старик понял, что, если он будет перечить, то свет его жизни может потухнуть раньше, чем костёр.

В это время в нескольких десятках шагов спешившиеся всадники ловили маленького мальчика, который пытался спрятаться за спинами женщин и мужчин. Те в страхе шарахались от него, боясь навлечь на себя гнев вооружённых преследователей. Одна из женщин обняла малыша, и сразу получила удар саблей по голове. Мёртвое тело безвольно опустилось на землю. Ребёнок рванулся в сторону и убежал в самый конец, где начинались заросли невысокого кустарника. Там он столкнулся с замершим в ужасе шаманом. Ткнувшись головой в живот, ребёнок упал на землю и закричал. Воины пытались схватить его, но он отчаянно сопротивлялся и выворачивался, цепляясь за одежду шамана. Сорвав с ребёнка накидку и рубашку, им удалось прижать его к земле. Затем воины дотащили его до главаря. Они не обратили внимания на шамана, который сначала стоял на месте, а потом начал потихоньку пятиться назад, пока не упёрся в высокий кустарник. Зацепившись пяткой о кривой ствол растения, он упал и какое-то время лежал, не в силах подняться от внезапно нахлынувшей слабости. Страх сковал волю, в глазах потемнело, дрожащие пальцы стали судорожно царапать землю, и бедняга затрясся всем телом, чувствуя, что вот-вот умрёт. Но смерть прошла мимо.

Когда в глазах перестали мелькать белые точки, он смог осмотреться и увидел свои руки. В одной была шапка ребёнка, а в другой – его амулет, небольшая капля янтаря на кожаном ремешке. Взгляд медленно проскользил вдаль, зацепившись за сутулые спины соплеменников. Чуть дальше виднелись фигуры вождя и его жены. Эта картина врезалась ему в память на всю жизнь: отец и мать стояли, обречённо опустив головы, а перед ними лежал на земле связанный сын.

– Тащи его к камню! – раздался громкий приказ. Мать закричала нечеловеческим голосом, поняв, что ребёнка собираются убить прямо у неё на глазах. Она рванулась вперёд, но её сразу сбили с ног и накинута на шею петлю. Отца тоже связали и бросили рядом. Главарь преследователей они не волновали. Он преследовал другую цель.

То, что произошло дальше, запомнили все люди в племени. Сына вождя положили на большой плоский камень, и старый колдун вонзил нож прямо в живот. Затем разрезал до самого горла и долго возился, пытаясь раскрыть грудную клетку. Когда ему это наконец

удалось, он засунул руку внутрь и замер. Потом медленно вытащил её и испуганно повернулся к главарю. Тот с нетерпением ждал.

– Нет... Его нет... У него нет сердца... – еле слышно пробормотал колдун.

– Что? Что ты говоришь?! – скривился от недовольства всадник.

– Нет... у него... нет сердца, – чуть громче произнёс седой старик. В это время мать ребёнка завывала нечеловеческим голосом, и стала бросаться на воинов.

– Что ты несёшь?! Эй, заткните ей рот! – рявкнул безумный предводитель. – Как это нет? – он спешил и подошёл ближе. Затем наклонился над телом и ткнул ножом в левую половину. Там действительно ничего не было. Вся полость между рёбрами была наполнена кровью, но того, что он искал, там не было. – Ты меня обманул! – заорал он. – Ты обещал... обещал! Ты говорил, я стану бессмертным! – крики и проклятия ещё долго раздавались над бездыханным телом ребёнка, но колдун их уже не слышал. Он получил удар ножом в живот, после чего потерял сознание и вскоре покинул этот мир, как и его невинная жертва. Никто так и не узнал, какой обряд он собирался совершить.

Оставались только родители ребёнка. Их надо было привезти обратно. В становище ждали его возвращения. И жаждали мести. После долгих попыток нарушителей закона должны были убить на вершине скалы, чтобы красная кровь стекала вниз, вместе с первыми лучами солнца. Чтобы все остальные видели это и боялись. И чтобы хранили это в памяти, передавая детям и внукам. Так всегда поступал его отец. Так делали все вожди их племени.

С края неба сорвались первые капли дождя. Однако серые облака больше не неслись безудержно вперёд. Они кружились над головой, как будто попали в гигантский водоворот. Ветер усилился и стал холодным. Он безжалостно проникал под одежду и угрожал заморозить всё живое. Лошади начали нетерпеливо кружить на месте. Всадники ждали приказа. Но возвращаться было поздно. К тому же надо было убить остальных.

– Остаёмся? – осторожно спросил один из воинов. Главарь, понимая, что попал в ловушку природы, бешено выпучил глаза и заорал что-то непонятное и дикое. Однако вскоре он пришёл в себя и обвёл своих соплеменников осмысленным взглядом.

– Да, до утра. Прячьтесь. Все прячьтесь. Утром убьём их и вернёмся в стойбище. Всех связать! – он снял с коня свёрнутый в рулон войлок. Часть воинов бросилась к обречённо стоявшим кочевникам. Увидев это, шаман, который сидел на самом верху склона, в страхе попятился назад, под кусты, чтобы избежать страшной участи. Он прижимался к каменистой земле, стараясь слиться с ней, превратиться в траву, которая своими корнями проникает вглубь и крепко держится, неподвластная стихии.

Злые, нахмурившиеся облака по-прежнему хмуро нависали над землёй, как будто угрожали ему. Казалось, они желали смерти всему живому. Зацепившись за куст, шаман дёрнулся в сторону и попал руками в сухие ветки. Они треснули и сломались. Под ними было небольшое углубление. Он долго ждал, пока не воцарилась полная тишина. Время шло. Становилось холодно. Дрожа всем телом, бедняга попытался встать. Он уперся руками в землю, но не ощутил опоры и провалился ещё глубже. Ветки захрустели, увлекая его вниз и не давая выпряться.

Под ногами ощущалась пустота. Провал уходил в глубину. Оттуда тянуло затхлостью и сырой, мокрой пылью. Шапка съехала набок, и упала под ноги. В руке был по-прежнему зажат кожаный ремешок. Шаман натянул его на шею и потянулся за шапкой. Ноги заскользили по мокрой земле, и он, потеряв равновесие, упал. Тело проехало по грязи вниз. Из сжатого спазмом горла вырвался негромкий короткий крик. По стенам заплескало звонкое эхо. Оно отражалось от них разными голосами. Это были голоса духов. Но шаман их не боялся. Страх остался там, наверху. А здесь были сухие, холодные стены, которые можно было потрогать руками.

Он стал слушать. Странные голоса знали его имя! Они рассказали о жизни и смерти, о ребёнке и его родителях, о том, что только невинная душа и чистое сердце достойны бессмертия. Белые точки в глазах сменялись фиолетовыми пятнами, под ногами пролетали леса и горы, духи несли его над горами, лесами и реками, потом переворачивали и над ним стремительно проносились яркие звёзды. Они показали ему много разных мест и людей. И все они были непохожи друг на друга. Духи общались с ним. Они указывали ему путь.

Когда видение исчезло, он ещё долго сидел с закрытыми глазами, прислонившись к камню спиной. Голова кружилась и к горлу то и дело подкатывала лёгкая тошнота. Однако сердце переполнял безграничный восторг. Шаман собрался с силами и крикнул. Голоса ответили стройным эхом. Они были добрыми и как будто звали с собой. Он встал и медленно пошёл вперёд, держась за стену, но потом в голове вдруг вспыхнула неожиданная мысль – спасение! Здесь, в этой пещере! Всем. Ноги сами понесли его обратно. Надо было спешить.

На поверхности хлестал ледяной дождь. Ветер бросал в лицо огромные капли. Они казались ему стрелами небесных охотников. Когда они попадали в глаза, было больно. Однако шаман старался не обращать на это внимания. Его ждали духи пещеры. Он помнил каждое их слово. Они могли спасти всё племя. Надо было только развязать тех, кто остался жив. Всех, даже вождя и его жену. И ещё – найти тело ребёнка. Так сказали духи. Они хотели забрать его к себе.

Сначала удалось развязать несколько человек. Те стали помогать другим. Шаман показал путь. Молча, не сговариваясь, его соплеменники следовали друг за другом к небольшому кусту, ничем не отличавшемуся от сотни таких же, разбросанных по всему склону, и исчезали за ним, как будто их пожирал неведомый дух страшного подземного мира.

Шаман подошёл к двум телам. Они лежали, прижавшись друг к другу, засыпанные срезанным ковылём. Хитрый главарь не хотел, чтобы они умерли от холода, и приказал забросать их сухой травой. Верёвки долго не поддавались, крючковатые пальцы замёрзли и никак не могли справиться с окаменевшими узлами. От отчаяния он стал помогать себе зубами. Вождь и его жена выжили. Они с трудом доползли до спасительной расщелины и скатились вниз.

Шаман в это время искал тело их сына. Он нашёл его и отнёс в пещеру, как и просили духи. Там он положил ребёнка рядом с большим валуном. Здесь духи говорили с ним в последний раз. Они сказали, что у сына вождя есть сердце, но они спрятали его с другой стороны, чтобы тёмные силы степи не смогли наполнить его мраком и уничтожить мир. «Злые люди взяли чужую жизнь. Они не смогут жить вечно. Мальчик не погиб. Его сердце спасено. Мрак рассеется. Злые люди будут наказаны. Нельзя брать чужое, нельзя». Шаман плохо понимал эти слова, хотя запомнил на всю жизнь. Он устал и еле стоял на ногах. Племя спаслось, и за это надо было обязательно отблагодарить невидимых обитателей этой пещеры.

Здесь под землёй, мокрые и замёрзшие, люди жались друг к другу, но всё же не покрывались льдом, как те, кто остался наверху. Дождь прекратился задолго до рассвета. Однако вместо него на землю сразу опустился холод. Всё, что пропиталось водой, сразу замёрзло. Даже верхушки шумевшего весь вечер ковыля схватились ледяной коркой и застыли в безмолвном ужасе поразившей их немоты. Камни, земля, трава, кусты – всё было покрыто тонким слоем льда. И когда непроглядная тьма стала медленно таять, превращаясь в серую дымку утренних сумерек, над каменистым склоном, где пытались переждать дождь вооружённые всадники, воцарилось мёртвое молчание. То тут, то там изредка раздавался короткий звук треснувшего льда, но человеческих голосов слышно не было.

Шаман осмелился выбраться наружу только к вечеру. Перед ним открылась ужасная картина: повсюду высились бугорки неподвижно застывших тел, накрытые кусками войлока или кожи. Все они были мертвы. Половина из тех, кто заснул под дождём, так и не проснулись. Они промокли и покрылись льдом, а смерть при переохлаждении наступает незаметно. Сна-

чала сон затуманивает сознание, сковывая руки и ноги, затем начинает рисовать радужные картины счастья и в самом конце, перед смертью, цепко сжимает обманутый мозг в капкане безысходности.

Главаря среди мертвецов не было. Он выжил и, уходя, проклинал подлых кочевников, духов, дождь и холод; он даже сломал о камень свою саблю, пытаясь расколоть его пополам. А потом поклялся вернуться и найти обманувших его беглецов. Рано или поздно.

Чуть позже продрогшим людям удалось выбраться наружу, разжечь костры и обогреться. Потом осмотрели пещеру. Оказалось, она вела к реке. Выход располагался над обрывом, стены в этом месте сужались, и между ними с трудом мог протиснуться один человек, но всё же это было спасение.

Тела врагов сожгли. Лошадей разрезали на мясо. И только ребёнка нигде не было. Он исчез. Духи забрали его к себе, оставив на камне знак сердца. Шаман долго смотрел на него. Затем провёл рукой. След был неглубоким, но края линии – острыми. Как будто кто-то с силой выбил этот знак в память о происшедшем. Это было странно и печально. Он звал духов, но они молчали.

Лишь позже жена вождя рассказала, что сын приходил к ней во сне и просил не беспокоиться. С ним всё было в порядке. Племя могло жить с этой стороны гор. Здесь было безопасно. В лесу водилось много зверей. Они могли охотиться. Враг не найдёт их. В случае опасности сын обещал вернуться и защитить. А пока просил слушаться шамана. Он оставил ему свой амулет – маленький кусочек янтаря на кожаном ремешке. Этот талисман охранял их племя. На большом камне, недалеко от входа в расщелину, ребёнок нарисовал им знак сердца, чтобы они всегда помнили о нём. Шаман даже расплакался, когда услышал эти слова. Несчастная женщина не могла этого придумать. Тогда он рассказал ей о духах. О том, что они поведали ему внутри, когда он видел её сына в последний раз.

Потом они несколько раз ходили к этому камню вдвоём. Шаман показал ей знак. Острый камень надёжно выбил его на шершавой поверхности валуна, и теперь это место стало символом жизни, защиты, выхода из пещеры и благодарности духам-спасителям. Жена вождя накрывала контур сердца ладонями и долго плакала. А он ждал.

Прошло много дней, и на другой стороны реки вдруг появились странные люди. Голодные и худые, измождённые, они выглядели, как мертвецы, но всё же были живыми. Их было много. Это было племя туматов. У них был вождь, но не было шамана. Тот умер во время долгого перехода. От болезни. Оба племени решили объединиться, чтобы выжить.

Когда настало время уходить в долину предков, старый шаман поведал эту историю своему сыну по имени Улуг. Он показал ему пещеру и тот камень, на котором было выцарапано сердце. И ещё отдал амулет. Это был оберег всего племени. Юный Улуг, в своё время, должен был передать его следующему шаману.

– Пора мне уходить в долину предков, – сказал тогда отец тихим голосом. – Проводи меня до пещеры. Там меня будут ждать духи.

– Я сделаю всё, как ты сказал, – тихо прошептал сын.

– Хорошо. Знай одно: духи рек и лесов очень сильны. Они правят по эту сторону гор. Но с другой стороны живут духи степей и ветров. Они привели тех людей. Они хотели уничтожить наше племя. И они могут вернуться.

– Когда?

– Не знаю. Но ты сразу узнаешь об этом. Амулет исчезнет.

– Как?

– Тоже не знаю. Духи заберут его. Но взамен принесут надежду.

– Надежду? Какую надежду? На что?

– На спасение, – старик замолчал, глядя вдаль слезящимися белёсыми глазами. Сын ждал. – Так они сказали. Ты должен следить за амулетом. Если у тебя не будет сына, передай его жене вождя. А она – своей дочери. Не снимай его никогда.

– Но что будет, когда он исчезнет?

– Будет беда. Большая беда. Потому что степь безгранична. В ней живёт ветер. Он летает над всей землёй. И здесь – тоже. Поэтому он может принести зло сюда. И тогда амулет исчезнет.

– Почему ты говоришь, что его надо передать жене вождя?

– Сам вождь может погибнуть, его тело утонет или съедят волки. С ним случайно исчезнет амулет и никто не обратит внимания. Спасти племя сможет только чистое сердце, полное надежды, которое будет беречь его и следить.

– Женское?

– Да, духи сказали, сердце матери. И её дочь тоже будет матерью. Так они всегда смогут передавать друг другу силу амулета, если у тебя самого не будет детей.

Старый шаман ушёл вглубь пещеры и больше не вернулся. Его сын, Улуг, через год собрался с силами, взял факел и дошёл до самого конца, надеясь найти останки отца. Однако там ничего не было. Только большой валун у выхода... с выцарапанным на нём силуэтом сердца.

Когда настало его время уходить, Улуг передал янтарную каплю, как и завещал отец, жене вождя. Её звали Айлуна. У шамана не было жены, а к юной и красивой Айлане пожилой Улуг испытывал самые нежные чувства. Хотя никогда этого и не говорил. Рассказал только всё, что узнал от отца, и пообещал охранять их вместе с духами предков.

В последний день он попрощался с ней и ушёл к дальнему выходу из пещеры. Духи ждали Улуга у того самого камня, где много лет назад нашёл своё последнее пристанище его отец. И теперь сын отправился в долину предков тем же путём.

Глава 1. Странная книга

Старая электричка дёрнулась всем своим длинным телом, похожим на японские суши, поданные на разделочной доске пошарпанного, провинциального перрона со ржавой лестницей и выщербленным асфальтом; вздрогнула, передавая стук стыковочных буферов от вагона к вагону, и медленно тронулась вперёд, оставляя за собой безлюдную пустоту на небольшой промежуточной станции, которая, как инородное тело, непривычно торчала здесь посреди растущей на склонах травы, густых кустарников и деревьев, покрывавших землю единым, плотным, непроглядным ковром бесконечной зелени. И только две узенькие тропинки, начинавшиеся по обе стороны перрона, у нижних ступенек лестницы, говорили о том, что где-то вдалеке, существуют места проживания людей, куда они, как перелётные птицы, направляются каждые выходные, начиная с первой оттепели в начале мая, и до конца сентября, отдыхая от городской суеты и наслаждаясь приятным загородным бездельем.

Колёса электрички уже давно перешли с мерного стука на быструю дробь, в тысячный раз исполняя одну и ту же мелодию на стыках блестящих, как ртуть, рельсов, над которыми дрожало марево раскалённого воздуха. Полуденный зной июльского дня ещё не сошёл на нет, хотя солнце уже близилось к закату, и вагоны, как горячие пирожки, тоже источали нестерпимый жар.

Пассажиры с тоской смотрели на узкие, открытые окна. В них врвался тёплый воздух, и они терпеливо потели, вытирая мокрые лица рукавами футболок или просто ладонью. Все места были заняты, но в проходах никто не стоял. Это пространство занимали многочисленные вёдра с красными помидорами и жёлтыми яблоками, большие сумки с вещами и наскоро собранными букетами, а также разный другой дачный хлам, что вынуждало новых пассажи-

ров осторожно лавировать между ними в тщетной попытке ничего не задеть, не опрокинуть и просто не упасть на всё это вещевое изобилие сверху, вызвав у одних смех, а у других – негодование.

Богдан сидел у окна. Ему с детства нравилось смотреть на пробегавшие мимо деревья и столбы, заросли кустов и красивые вершины гор за облаками, которые выглядели как большие зимние шапки и вызывали щемящее любопытство.

Родители сидели на других местах, через проход. Мама-Таня отдыхала, положив голову на плечо отца. Папа-Ваня что-то читал, сосредоточенно сдвинув брови. Для него они были самыми лучшими родителями в мире. Однако Богдан был не их родной сын. Они усыновили его через месяц после рождения. Роженица отказалась, не пожелав даже объяснить, почему бросает своего сына. Судя по всему, он был неожиданным и ненужным.

Им об этом рассказала подруга мамы. Она работала акушеркой в роддоме, и была глубоко возмущена таким поступком. Они долго обсуждали это на кухне. Потом к ним присоединился отец, и как-то так всё сложилось, что они приняли решение забрать ребёнка к себе. Своих детей у них не было, хотя они жили вместе уже десять лет. И вот в их семье появился Богдан. С детства так сложилось, что он называл их не просто мама и папа, а прибавлял к ним имена. Правду от него не скрывали, и это частично помогло избежать проблем в школе и во дворе, однако, возможно, именно это и послужило причиной того, что Богдан вырос слишком вспыльчивым и амбициозным.

Вокруг всегда находились дети, которые то и дело дразнили его, напоминая об усыновлении. Из-за этого Богдан был всё время в напряжении и часто нервничал там, где этого совсем не требовалось. Он рос чувством обострённой обиды и не мог пройти мимо проявлений несправедливости, поэтому часто его поведение становилось причиной ссор и споров, а позже – драк. Родителей, тем не менее, он любил беззаветно и преданно, даже больше, чем можно было себе представить. И старался не огорчать их по пустякам. Поэтому в школе учился на отлично, и здесь учителя уже придаться не могли.

То воскресенье ничем не отличалось от десятков других, которые они провели в электричке по пути домой. У них не было ни яблок, ни цветов. Байдошины ездили за город, чтобы «отдохнуть», как говорил папа-Ваня, хотя на самом деле, это было не так. Все походы в лес за грибами или ягодами сопровождались лазанием по деревьям и крутым склонам, поиском диких пчёл и расчисткой заилившихся ручьёв, осмотром пустых нор неизвестных животных и просто разговорами о природе.

На рыбалке они не сидели с удочками, как другие, хотя и такое бывало. Папа-Ваня предпочитал уплывать на лодке к дальнему краю озера, где они могли поохотиться самодельными баграми на стоявших у берега больших рыб. Когда Богдан был маленьким, у него это не получалось, он всё время поддавался на обман зрения: свет преломлялся в воде и рыба оказывалась не в том месте, куда он пытался попасть своим острым копьём. Но со временем всё изменилось, и, став постарше, он быстрее папы-Вани мог загарпунить даже небольшую плотву или карася, не говоря уже о налиме или щуке. Потом они обмазывали их глиной и запекали в улях. Если рыбы не было, то просто ныряли на дальность.

С мамой-Таней они всё больше разговаривали о реках и водоёмах. Она была специалист в этом вопросе, занималась проектированием плотин и водных сооружений, хотя с детства обожала ботанику. Вместе они соорудили перед домиком несколько прудиков, похожих на большие круглые ванны, проложили между ними узкие дорожки и пустили воду. Под руководством отца Богдану даже удалось сбить из обрезков вагонки небольшое подобие маленькой мельницы.

Но сейчас он сидел в вагоне и просто смотрел в окно. Телефон в этом месте не работал, а старую книгу про древний Рим он забыл на даче, так что оставалось только глазеть по сторонам и ждать. Электричка сбросила скорость и медленно подкатила к очередной безли-

кой остановке в виде полосы асфальта и металлической лестницы. Сидевшая рядом полная, румяная женщина подхватила букет поникших ромашек и стала настойчиво протискиваться в проход, стремясь вовремя добраться до дверей. На её место осторожно опустился невысокий, неприметный мужчина. Богдану запомнилась только проседь у него в волосах. Пол-лица занимали большие очки с толстыми стёклами в старой роговой оправе. Одет он был, как и многие, в потрёпанные, однако чистые брюки непонятного цвета, без штрипок, но с поясом, а вместо футболки носил рубашку с коротким рукавом. Он смешно прижимал к животу старый потёртый портфель, который делал его похожим на учителя. Не поворачивая головы, мужчина осторожно скосил взгляд и, убедившись, что никому не мешает, медленно продвинулся назад, благополучно коснувшись худой спиной деревянного сиденья, отполированного тысячами тел.

После этого его лицо расслабилось, и плечи опустились вниз. Пошевелив бровями, «учитель» характерным жестом прижал к носу указательным пальцем дужку очков, хотя они и так сидели довольно плотно. Затем положил на колени потрёпанный портфель и достал из него толстую книгу в твёрдой тёмной обложке. Между пожелтевшими от времени страницами торчала самая обыкновенная школьная закладка из газетного киоска. На ней в столбик располагалась таблица умножения. Открыв книгу, владелец учительского портфеля и толстых очков сразу погрузился в чтение.

Богдан осторожно скосил глаза. Родители никогда не говорили, что разглядывать незнакомых людей неприлично, они наоборот, поощряли открытость и улыбку при встрече, но ему всё равно не хотелось пялиться на странного мужчину и уж тем более книгу, которая сразу же привлекла его внимание. Краем глаза Богдан видел, что шрифт в ней был больше, чем обычно, и каждый абзац начинался с витиеватой заглавной буквы, как это часто бывало в старых манускриптах, которые показывали по телевизору или в учебнике истории. Однако все предложения были написаны современным русским языком. Он успел только ухватиться за край этой мысли, и сразу выпустил её из тисков сознания, потому что глаза непроизвольно прочитали первое слово, перепрыгнули на второе, и дальше уже не смогли остановиться. Через несколько мгновений Богдан весь погрузился в чтение, слегка повернув голову и нахмутив брови.

«... несмотря на явное превосходство противника, все уже были готовы к сражению: жёницин, стариков и детей вождь приказал спрятать в тёмном ущелье. Об этом месте знали только туматы. Туда вела скрытая тропа, и даже их соседи из родственных племён аюлов и ситучей, которые иногда забредали сюда во время долгой охоты и видели, как прижатые к обрыву звери падали вниз, разбиваясь о камни на дне, не догадывались, что туда можно было попасть снизу, со стороны реки, через узкий проход между скалами.

Воины остановились в предгорье. Вперёд выслали дозорных с пучками сухой травы в больших кожаных мешках. Их хорошо было видно с холма, на котором стоял вождь. Он провожал их долгим задумчивым взглядом и думал о том, что война его племени совсем не нужна. Совсем... Он искренне надеялся, что конница монголов пройдёт мимо, соблазнившись более богатыми долинами уйгуров с их бесчисленными стадами быков и коров. Раньше такое случалось не раз, и туматам удавалось избежать столкновений. Благодаря этому туматы постепенно превратились в большое племя, у них родилось много детей, но стать охотниками успели ещё не все. Слишком мало прошло времени, слишком быстро пришла новая беда и слишком силен был на этот раз враг.

Баргуджин считал. Он пытался прикинуть сколько его охотников погибнет в открытом бою с всадниками монголов. Даже если все духи леса придут на помощь, то туматы смогут уничтожить только первый отряд Орды. Однако за ними Чингисхан пришлёт других воинов, и их будет намного больше, а у него уже не останется в живых никого, кроме жёницин и детей.

Монголов можно было победить в одном сражении, но у них нельзя было выиграть войну. Вождь не верил чужаку Бэргэну по прозвищу Билбэт, который собрал вокруг себя всех юношей

и молодых охотников. Их было больше, чем взрослых мужчин, отцов их семейств, но Баргуджин не верил, что каждый из этих юнцов может победить столько монголов, сколько у него пальцев на руках и ногах, как уверял этот Билбэт. На совете племени ему дали слово, он даже пытался доказать это на деле, но мудрые старейшины не стали его слушать».

Электричка закричала на долгом повороте. Через боковое окно ворвался резкий порыв ветра. Он перевернул несколько страниц, однако хозяин книги никак не прореагировал на это и, как ни в чём не бывало, продолжил читать с того места, которое предложил ветер. Кажется, он даже улыбался. Богдан сначала замер, пытаясь осмыслить такое поведение незнакомца, но глаза снова предали его, выхватив из текста интересное продолжение и превратив в раба сюжета.

«...такого вождь ещё не видел. Никто не мог сравниться с молодым Билбэтом в бою. Для него не существовало препятствий, он не испытывал страха и даже радовался, когда нападали сразу несколько человек. Баргуджин зажимал по очереди пальцы, считая, всадников. Они окружили Билбэта и пытались достать его саблями. Одна рука, вторая рука, и ещё три пальца! Все монголы остались неподвижно лежать на земле. А ведь у Билбэта было всего лишь одно копьё! От него не отставали его друзья, Тускул и Тэлэк. Они были как братья-близнецы.

А когда Баргуджин увидел в мешанине тел людей и лошадей лицо Удэя, своего сына, то чуть не бросился на помощь. Однако он вовремя остановился и спас свою репутацию, доказав, что достоин быть вождём племени туматов. Его сына, Удэя, прикрыл чужак по имени Билбэт. Взрослые охотники постепенно оттеснили монгольских всадников к краю обрыва. У них были длинные копья. Через них враг не мог достать туматов. Монголы ничего не могли поделать, так как попали в западню: перед ямой посреди дороги их остановили стрелы лучников, а сзади Билбэт сделал то, что и обещал – повалил на землю лошадей. И теперь их тела закрывали путь к отступлению. Это была ловушка.

Вождь приказал запасному отряду заменить юношей в тылу монголов, но Билбэт не послушался. Он стал преследовать врага вместе с подоспевшей подмогой. За ним помчались Тускул, Тэлэк и даже Удэй! Вождь не сдержался и повторил приказ. Его услышали, но лишь половина молодых охотников, с татуировкой и инурком на лице, вернулись на холм. А юноши все, как один, остались на поле боя.

Сверху Баргуджину было хорошо видно, что происходило у края ущелья: монгольские всадники, скучившись, отчаянно пытались вырваться из плотного кольца окружения, но каждый раз натывались на длинные копья туматов. Там, где стоял Баргуджин, было на удивление тихо. И только с места сражения доносился слабый гул. Это были крики живых, стоны раненых, храп лошадей, удары сабель и копий – это был звук битвы.

Посреди шевелящейся массы тел, как ураган, носился Билбэт. Он перехватывал копья всадников, дёргал, сбивая на землю, несколько раз, уворачиваясь от удара сабли, подныривал под брюхо лошадей и вспарывал им живот. При этом он постоянно двигался, двигался, двигался, как будто в нём объединилась вся сила предков. Он тяжело дышал, но на лице светилась радостная улыбка, как будто чужак играл в детскую игру, а не сражался со смертельно опасным противником.

Невероятно быстрый и ловкий, этот странный юноша ничего не боялся и поэтому был проворней других. Опытный вождь понимал это. Страх обычно сковывает тело и мешает думать. Он всегда побеждает разум. Из-за него люди гибнут. Только тот, кто не боится смерти, одерживает победу. Баргуджин поймал себя на этой мысли и вдруг понял, что завидует чужаку.

Фыркнув, как породистый конь, он уже сам хотел устремиться вниз, на поле боя, но наткнулся на удивлённые взгляды пятерых помощников, которые всё это время были рядом с ним. Так решили старейшины. Они сказали, что вождю нужны быстрые ноги, чтобы руко-

водить племенем с холма, ему нельзя драться в первых рядах. Баргуджин вынужден был согласиться, хотя в душе ему было обидно. Но если бы он знал, кто надоумил старейшину принять такое решение, то вряд ли послушался бы. Это были их внуки, молодые охотники, которые донесли до них мысль хитрого чужака, что сила племени – вождь. И его жизнь важнее всех остальных. К счастью, Баргуджин так и не узнал это до следующего дня. А когда узнал, злиться уже было поздно.

Сочная трава качалась в степи, разливаясь широкими волнами под порывами горячего ветра, и точно так же, волнами падали монгольские всадники с обрыва вниз, в глубокое ущелье, с другой стороны которого, на расстоянии тысячи шагов, испуганно жались к сырým камням женщины и дети племени туматов».

Богдан вздрогнул. Электричка стала замедлять ход у очередной станции, и шальной порыв ветра снова перевернул несколько страниц. Затаив дыхание, он дождался, когда всё стихнет, и сразу впился глазами в текст.

«... всё решалось на Совете племени. Теперь даже старейшины прислушивались к словам чужака. Он горячо спорил, размахивая руками, и пытался доказать, что после сражения с уйгурами и монголами все юноши племени стали настоящими воинами. Хотя они ещё и не прошли обряд посвящения. А битва с передовым отрядом только подтвердила его слова. Почему же, возмущался он, не научить этому и взрослых охотников? Старейшины снисходительно качали головами и усмехались. Один из них сказал, что если ему дать волю, то чужак даже женщин и детей научит сражаться. Кто же тогда будет следить за гэрами? Они улыбались, но в глазах застыла задумчивость.

Последним выступил вождь. Он был непреклонен, потому что десять тысяч всадников представляли собой грозную силу. С ними туматы сражаться не могли. Вместе со старейшинами он решил согласиться на самые суровые условия монголов, лишь бы сохранить племя. Однако в тот момент никто даже не догадывался, что их ждало впереди. Поэтому когда в поселение прибыл хитрый Богорул-нойон, опытный воин и помощник Чингисхана все жители племени без страха высыпали из гэров, с любопытством наблюдая за полусотней всадников, не спеша продвигавшихся мимо них к центру стоянки.

Старейшины молча выслушали требования, и даже самые храбрые охотники побледнели от страха, предчувствуя ужасную беду. Усталым и безразличным голосом, без надменности и злости за гибель передового отряда Богорул-нойон сообщил туматам волю всемогущего повелителя Великой Орды...»

На этих словах страница заканчивалась. Богдан осторожно поднял взгляд на «учителя». Тот задумчиво смотрел вдаль. Ветер, как назло, не дул, хотя все окна были распахнуты. Люди в электричке терпеливо продолжали потеть. Разомлев, каждый молча ждал свою остановку. Богдан посмотрел на родителей. Они по-прежнему были заняты чтением отцовской книги.

– А что дальше? – осторожно спросил он, не надеясь получить ответ. Однако «учитель» оказался добрым человеком.

– Ты тоже прочитал? – искренне удивился он, как будто они были давно знакомы.

– Да. А что там с... ними?

– С туматами? – уточнил обладатель портфеля.

– Да. Кто это?

– О-о!.. Ты слышал о них?

– Не-ет... Их убили монголы?

– Хм-м... Похоже, нет. Тут много неясного. Туматы были охотниками и долго избегали влияния Орды.

– Да, я прочитал.

– Молодец! Так вот возникает вопрос, почему они вдруг так неожиданно решили воевать с таким большим войском? Это же глупо. В те времена всё было просто – кто сильнее, тот и прав.

– А Козельск? Монголы ведь так и не сломили их!

– Ты хорошо учил историю в школе. Да, на Козельск они потратили целых семь недель. Но это был город, стены, рвы, защита. Здесь – совсем другое. Зачем племени, живущему в горах, без стен и оружия, восставать против вооружённого врага? А? Если можно было просто уйти.

– Не знаю.

– Вот видишь! К тому же монголов было во много раз больше.

– И что? Чем всё закончилось? Они победили? – не мог сдержать любопытство Богдан.

– Хм-м... Странно и непонятно. Кто-то научил их защищаться без оружия. Летописцы зафиксировали это в нескольких рукописях. Туматы могли выхватывать сабли и копья голыми руками и отбиваться от врагов палками. Причём, довольно успешно.

– Ух ты! Это же как каратэ!

– Ты прав, только каратэ тогда ещё не существовало. А судя по книге, им приходилось там нелегко.

– Вот это да! Была б машина времени, вот бы посмотреть! – с восторгом прошептал Богдан.

– Что, интересно? Тоже загорелся?

– Ещё бы! – хмыкнул он.

– Хотел бы помочь им?

– Конечно! Что за вопрос! – Богдан шутил, но в душе чувствовал, что действительно согласился бы помочь этому далёкому племени.

– Да-а... жизнь сложная штука, – как-то странно протянул вдруг его собеседник. – Никогда не знаешь, что будет завтра. Или даже сегодня.

– Ну да. Папа-Ваня тоже так говорит. Иногда. Но он много знает. Все книги прочитал про историю.

– Ах вот откуда ты столько знаешь! Отец рассказал?

– Нет, я сам учусь. Только про туматов не слышал.

– Ничего страшного. Всё сразу знать невозможно. Сначала – одно, потом – другое. Главное, что ты искренне хочешь им помочь, – одобрительно заметил «учитель».

– Да, было бы классно... – мечтательно произнёс Богдан и вздохнул.

В этот момент дверь тамбура открылась, и оттуда подул сильный ветер. Он дул всё сильнее и сильнее. Богдан оглянулся. Странно, но пассажиры вели себя так, как будто ничего не происходило. Ветер ерошил им волосы, подбрасывал к потолку безжизненно поникшие ромашки и букеты полевых цветов. Книга на коленях соседа затрепетала страницами и ожила. Листы зашуршали, захлопали, как крылья птицы, и стали отрываться один за другим, взмывая вверх и улетаая вереницей в узкие окна вагона.

Он протянул было руку, чтобы показать это «учителю», но не успел. Прямо на глазах последняя страница рванулась в неизвестном направлении, и на коленях незнакомца осталась только твёрдая обложка тёмного цвета. Он хлопнул её, и все пассажиры сразу очнулись: женщины кинулись собирать разлетевшиеся цветы, мужчины начали поднимать газеты и кепки, в вагоне сразу стало шумно и весело. В это время его сосед в очередной раз прижал очки указательным пальцем, открыл портфель и засунул туда пустую обложку, после чего встал и направился к выходу. Электричка задёргалась, замедляя ход. Это означало, что они подъезжали к очередной пригородной станции.

Через мгновение худощавая фигура в светлой рубашке с коротким рукавом скрылась за раздвижной дверью тамбура. В вагон стали заходить новые пассажиры. Послышались воз-

буждённые голоса молодых людей, кто-то спросил, не занято ли рядом, где-то тренькнула гитара, однако Богдан никак на это не реагировал. Он просто сидел и смотрел перед собой невидящим взглядом, повторяя название странной книги, которое ему удалось прочитать в самый последний момент – «Джучи, покорение туматов, 1216». И почему-то не мог вспомнить, как выглядел этот чудаковатый незнакомый учитель. В памяти остались только седые волосы, очки и добрая улыбка.

– Ты что? – отец наклонился через проход и потрепал его по коленке, слегка приподняв брови.

– Что? – вздрогнул Богдан. – Слушай, пап-Вань, ты не читал такую книгу «Джучи... 1216», кажется?

– Джучи? – ещё больше удивившись, переспросил отец и посмотрел на мать. Та только пожала плечами. – Нет, честно говоря, даже не слышал. Джучи знаю, но книгу... нет. О чём она?

– Да тут мужчина сидел, у него была. Старая такая. Все страницы ветром сдуло. В окно. Он встал и ушёл. Я только название запомнил, – Богдан снова задумался и отвёл взгляд в сторону. Родители заулыбались.

– Наверное, тебе показалось. Душно очень. В такую жару возможны галлюцинации, – с улыбкой назидательно добавила мама. – Потом в Интернете найдёшь. Там точно есть. Сейчас связи нет, а то мы бы на телефоне посмотрели.

– А что такое Билбэт? Знакомое слово, – как будто не слыша её, спросил Богдан.

– Странно... Билбэт – это чужой, незнакомый человек. Скорее, просто незнакомец, потому что чужой звучит как-то не так, с негативным оттенком. А Билбэт – это не свой, другой.

– А Бэргэн? – не унимался Богдан.

– Бэргэн – быстрый. Ты же сам знаешь. Это – имя, – снисходительно улыбаясь, ответил папа-Ваня. – Дай запишу твою книгу, вдруг действительно есть такая. Дома посмотрим.

Всё остальное время до города они провели молча. Отец продолжал что-то читать, мама смотрела в окно, а Богдан мечтал побыстрее добраться до компьютера, чтобы найти ответы на будоражившие воображение вопросы. В голове постоянно крутились два слова – «Бэргэн» и «Билбэт». Почему Бэргэн? Почему быстрый? Где-то это уже было. Кто-то говорил это слово. Нет, не имя, а слово. Он чувствовал, что разгадка где-то близко, но никак не мог понять, что же надо искать. Память отказывалась помогать, и в таком «подвешенном» состоянии он просидел до самого вокзала.

На платформе в Улан-Удэ у входа на вокзал их встретили четыре белых полуколонны и мозаичный рисунок в центре главного зала. Там он маленьким часто скакал по угловатым изгибам восточного орнамента, пока родители читали на лавке газеты в ожидании ближайшей электрички.

Когда привычный шум привокзальных платформ остался позади, они сели в автобус и поехали домой. Автобус был старенький, с полукруглыми формами спереди и сзади, со старыми дверями в форме гармошки, которые натужно скрипели и заедали на каждой остановке, впуская и выпуская неторопливых пассажиров. Наблюдая за тем, как медленно ползут мимо них бордюрные камни и редкие деревья, Богдан подумал, что он уже давно был бы дома, если бы пошёл пешком.

Глава 2. Ещё не время...

Жизнь в стойбище туматов была напряжённой и трудной. Мужчины ушли на охоту. Те, кто остался, занимались заготовкой ягод и починкой гэрвов. И только жена вождя не могла работать вместе со всеми. Она чувствовала себя плохо уже целую неделю. В животе было беспокойно, есть не хотелось, постоянно подташнивало, и трудно было пить даже воду. Силы медленно и неумолимо покидали её, хотя в голове всё было ясно и спокойно, как будто тело умирало отдельно от мыслей. Отвары старой повитухи уже не помогали, хотя та проводила с ней чуть ли не весь день и заставляла пить разные горькие травы.

Вот и сейчас, сутулая фигура, откинув полог, заслонила яркий небосклон. Затем проковыляла к огню, подбросила несколько толстых веток и долила в котелок немного воды. Тонкая струйка дыма, извиваясь змеёй, дотянулась до Айланы, однако не смогла преодолеть возникшую на пути преграду. Медленно скользя вдоль шкуры медведя, она запуталась в жёсткой шерсти и стала расплываться вдоль земли, растворяясь, как утренний туман. Запах дыма казался Айлане приятным. От него веяло теплом и уютом большого гэра, детьми и прежней жизнью, с которой сейчас связывало так мало.

Полог из оленьей шкуры завернулся, и у входа образовалась узкая, клинообразная щель. Через неё вместе с прохладным весенним воздухом хлынул внутрь мягкий свет багрового заката. Его лучи, подобно огромной реке во время половодья, залили далёкие горы и леса медовой патокой дрожащего зарева. Там виднелись глубокие оттенки спелой малины и целебных ягод с вязких болот, куда ушёл с охотниками её муж, вождь племени туматов, гордый и сильный Баргуджин. Ушёл много дней назад... Дождётся ли она его?

Проводя рукой по телу, Айлана каждый раз с пугающей пустотой чувствовала, что превращается в такую же дряблую и немощную старуху, как и помогавшая ей знахарка. Кожа высохла, став прозрачной и бесцветной, как лунный свет, истончилась и свисала с рук, шеи и живота тонкими безжизненными складками, а лицо в отражении воды напоминало кусок коры. Что это? Почему глаза так хорошо видят, уши слышат каждый звук, тело кажется лёгким и невесомым, как будто готово птицей лететь над землёй, а на самом деле нет сил доползти даже до выхода из гэра?

Сигха подошла ближе и что-то прошамкала беззубым ртом. С трудом опустившись на колени, старуха откинула шкуру в сторону и яркие лучи заката длинными тенями метнулись от худых, торчащих рёбер Айланы к ногам, а оттуда дальше, к краю жилища, где сразу растворились в полумраке сваленных в кучу мешков. Знахарка стала обтирать её тёплой водой, кряхтя и тяжело сопя при каждом движении. Дойдя до ключиц и зацепившись несколько раз за кожаный ремешок, она остановилась и недовольно посмотрела на амулет. Затем схватила его дрожащими крючковатыми пальцами и потянула на себя. Раньше Айлана не разрешала ей этого, но сейчас силы покинули её и язык прилип к нёбу, как будто его намазали еловой смолой.

Дети уже выросли, на лице у неё было пять татуировок, прошитых тонким кожаным ремешком. Но сил это не прибавляло и легче не становилось. Старший сын уже жил в своём гэре с женой, младшие были совсем юными, а дочери... ох, уж эти дочери. Они волновали её больше всего.

Слабая улыбка на лице превратилась в застывшую гримасу напряжения. Уйгулана и Аруна были уже взрослыми. Они родились в один день и были похожи друг на друга как две капли воды, однако у Аруны над губой виднелась маленькая родинка. И ещё была страшная беда – повзрослев, она так и не заговорила. Сколько раз она ловила на её маленьком лице выражение болезненного усилия и желания произнести какое-то слово, но все попытки заканчивались одинаково – Аруна хрипела, затем прятала лицо в ладони и горько плакала.

Сейчас, когда ей так некстати стало плохо, обе дочери заменили её в юрте. Зима была суровой, животные ушли далеко на юг, реки промёрзли так глубоко, что до рыбы было не добраться, и теперь, когда сошли снега, все старались найти хоть какую-то еду. Позже, когда степь и предгорья покроются первой травой, сюда вернутся быки и олени.

В этом году племя выжило благодаря совету старого шамана по имени Улуг. Айлана хорошо помнила, как тот ещё в середине лета заговорил об ужасной зиме. Охотники усмехались, качали головами, женщины пожимали плечами и обходили его стороной, а дети даже пытались дразнить, но их быстро одёргивали родители. Только Баргуджин неожиданно для всех прислушался к его словам. Они сидели в их гэре, пили горячий жирный бульон и разговаривали. Улуг видел белое небо и много чёрных орлов. А ещё птицы в лесу перестали петь по утрам. И камни в старой пещере за озером, где он жил, покрылись водой. Так бывало только глубокой осенью.

– Зима близко, очень близко, – качая головой, сказал тогда шаман и его седые волосы упали на лоб, закрыв лицо. – Такой зимы ещё никогда не было. Рано придёт и поздно уйдёт. Долгая, длинная будет. Зверь убежит, рыба замёрзнет, птицы улетят за дальние горы, всё здесь умрёт, – он взмахнул руками, изображая полёт орла, потом зашипел, как змея в траве, и замер, прижавшись щекой к земле. – Я чувствую холод. Надо запастись едой. Уже сейчас. Все должны пойти на охоту, все, даже дети. Иначе зиму не пережить.

Улуг был шаманом ещё до рождения Баргуджина, и никто в племени не знал, сколько ему лет. Однако он никогда не говорил просто так, не разводил дымные костры, как шаманы других племён, и не призывал духов для совета. Тем не менее его предсказания всегда сбывались. Однажды, прямо в день посвящения, он запретил вести юношей к реке и предложил провести обряд в другом месте, у озера. В середине дня прибежали женщины и сказали, что та часть берега над рекой, где их племя уже много лет совершало ритуал, рухнула в воду.

В юности он посоветовал Баргуджину взять на охоту копьё брата. Баргуджин с неохотой послушался. Копьё досталось ему от отца, и он очень им дорожил. Новое казалось неудобным. А когда в лесу напал медведь, оно спасло ему жизнь. Брат, вернувшись с охоты на оленей, поведал другую ужасную историю. У него было копьё отца. Но оно сломалось у реки, как тонкая веточка, когда он на него опёрся. Было много всего... И ещё старый шаман предсказал ему двух дочерей красавиц, только одна будет луной, а другая – солнцем. Когда родились Уйгулана и Аруна, Баргуджин понял, что тот имел в виду.

Поэтому прошлым летом вождь недолго думал, что делать. Он сразу собрал всех старейшин и главных охотников. В душе Баргуджин был уверен, что шаман говорит правду, и не стал слушать возражения недовольных соплеменников, которые хотели в это время построить себе новые гэры.

Племя послушалось вождя: женщины стали собирать орехи, грибы и ягоды, вялить рыбу, выделывать шкуры, а старики смогли договориться с вождями соседних племён об обмене добычи на котлы, топоры и ножи, которые ценились у туматов дороже всего.

Зима действительно наступила очень рано. Как и обещал шаман, она была холодной и долгой. Снег валил день за днём, и все звери ушли из лесов и предгорий в долины, далеко на юг.

Улуг не пережил эту зиму. Обычно он проводил время в дальней пещере, где его посещали духи древних предков и странные видения. Но однажды женщины, которые носили ему еду, не нашли старого шамана на месте, и сказали, что он выцарапал на камне глаз, что означало на языке шаманов «смерть». Это было большой потерей для племени, которое старый Улуг не раз спасал от бед, но, видимо, и для него настало время уйти в далёкие бескрайние степи, полные цветущей травы и тёплого ветра, где стада тучных, жирных оленей без страха бродят по вечнозелёным пастбищам, лениво жуя сочную траву.

Айлана на всю жизнь запомнила его добрую улыбку на широком морщинистом лице, узкие, тёмные губы и седые брови, которые он часто гладил, когда говорил с соплеменниками. Но для неё старый шаман сделал намного больше, чем для всех других.

Перед самым рождением Уйгуланы он как-то подошёл к ней у озера и надел на шею кожаный ремешок с большой янтарной каплей. Внутри, если присмотреться, можно было увидеть маленького муравья. Айлана так никогда и не узнала, кому принадлежал этот странный оберег. Старый шаман сказал, что он будет помогать ей во время родов и защитит её саму. Ещё он добавил, что талисман может исчезнуть и тогда придёт беда. Большая беда. А вместе с ней и надежда. Он даже повторил – надежда, но не спасение.

Это было много зим назад, и Айлана плохо помнила все слова старика, однако страх за жизнь своих детей заставлял её постоянно следить за амулетом, с которым она, когда рядом никого не было, иногда даже тихо разговаривала. После смерти Улуга шаманом стал его дальний родственник Дзэтай. У него была сварливая жена и весёлый сын-подросток по имени Тускул. Они почти не встречались, но Айлана чувствовала, что в этой семье её не любят. Поэтому она всю зиму старалась избегать гэра, где жили шаман и его жена, и даже сейчас, когда ей стало плохо, позвала на помощь еле ходившую знахарку, которая принимала у неё роды, а не нового шамана, как обычно делали в случае болезни остальные.

Воспоминания померкли. Сигха закончила обтирать ей лицо мокрой травой и повернулась к огню. Там уже закипала вода, сопровождая клубы пара тихим бульканьем рвущихся вверх с самого дна многочисленных пузырьков. Айлана почувствовала лёгкий, едва уловимый аромат еловой смолы, смешанный с неприятным запахом гари, который тянулся от костра. Повернув голову, она с ужасом увидела, что кожаный ремешок лежит у крайнего камня, касаясь глеющей ветки. В глазах всё поплыло, в ушах застучали тревожные барабаны, стало невыносимо жарко, кровь вдруг прилила к груди и шее и, вытянув в отчаянии руку, Айлана резко крикнула:

– Дай!

Старуха вздрогнула, посмотрела на неё и, недовольно кряхтя, наклонилась за ремешком. Через мгновение Айлана уже держала его в руках. Край тёмно-золотистой смоляной капли немного потемнел и стал горячим. В этом месте огонь добрался до смолы, но не успел полностью уничтожить янтарную каплю. Зажав его в ладони, она закрыла глаза, пытаясь успокоить дыхание. Внезапный порыв ветра распахнул у входа тяжёлую шкуру и, ворвавшись внутрь, холодный воздух взметнул вверх кучу искр и пепла.

Айлана повернула голову и заметила, что багряный закат вдруг поблек. Его почти не было видно. Небо закрыла тёмная тень, и только по бокам пробивались в просветы тонкие лучи света. Пепел и искры быстро опустились на землю. Слабые блики пламени осветили застывшую у входа фигуру. Она смотрела широко раскрытыми глазами на тёмный силуэт, чувствуя, как сердце бьётся в груди всё сильнее и сильнее, отдаваясь гулким эхом в слабой голове. Ошибки быть не могло – перед ней стоял Улуг, старый шаман племени, живой и спокойный, как всегда. Только на этот раз он не улыбался.

– Возьми! – эти слова были обращены к знахарке. Та встала и, как ни в чём не бывало, что-то взяла у него. Это был небольшой мешочек с травой. Сигха бросила несколько щепоток в чашку и зачерпнула из котла кипящую воду. Гэр начал наполняться приятным ароматом диких цветов и трав, которые Айлана как ни старалась, так и не смогла припомнить. Запахи были знакомыми, она точно нюхала эти цветы летом, в полях или предгорьях, но сейчас настолько ослабла, что теперь лишь вдыхала их, с удивлением глядя стоявший перед ней тёмный силуэт. – Пей, пока не заснёшь. И завтра тоже пей. Весь день. Потом – только воду. Ешь еловые ростки. Тебе надо жить. Всё будет хорошо. Твоё время ещё не пришло. Рано... тебе уходить... – эхо последних слов ещё звучало у неё в ушах, а большая тяжёлая шкура уже вернулась на своё место и в гэре стало тихо. Знахарка медленно помешивала воду в деревянной чашке, по привычке что-то бормоча себе под нос, и через какое-то время Айлане стало казаться, что ничего этого не было.

– Ты его видела? – осторожно спросила она Сигху. Та перестала мешать воду, повернулась и хрипло фыркнула:

– Кого?

– Улуга, – с трудом выдавила Айлана, надеясь, что это было не видение.

– Конечно, – с грустью выдохнула старуха, – несколько раз. Ночью. Этой зимой. Но это был не он. Его дух, – она замолчала и продолжила мешать плоской лопаткой воду.

– Нет, не зимой, сейчас... ты его видела? – еле слышно повторил Айлана. – Он дал тебе траву.

– Что? Траву? – буркнула Сигха. – Траву Тускул приносит. От отца. У них в гэре много, – старуха явно не поняла вопрос, но это уже было неважно. До Айланы вдруг дошло, что всё это время знахарка поила её травами, которые приносил сын шамана. Откуда он их брал? Неужели их давала ему мать, завистливая и сварливая Гриза? Ох, уж эта Гриза! Она ведь могла подсушить всё что угодно!

Айлана не стала выяснять подробности. Её снова стала одолевать слабость! Знахарка пододвинулась к ней и начала осторожно поить горячим отваром. По вкусу он сильно отличался от того, что она пила раньше. Старая Сигха подходила ещё пару раз, наполняла чашку, и Айлана вскоре заснула, но утром, проснувшись, сразу ощутила прилив сил и приятную бодрость. Однако слабость ещё давала о себе знать. Тем не менее она смогла сама дотянуться до чашки и сделала несколько глотков. Потом доползла до входа и подпёрла потрескавшуюся шкуру палкой. В гэре стало светло. Костёр давно потух, но было не холодно.

Неподалёку от спавшей у стены знахарки лежал небольшой мешочек. Айлана подняла его и открыла. Изнутри повеяло нежностью лета. На душе стало тепло и уютно, как в детстве. Она раздула несколько тлевших угольков, подбросила на них траву и ветки. Затем резко закры-

жилая голова, всё тело покрылась потом, и она без сил упала на медвежью шкуру, после чего сразу провалилась в беспамятство.

Ей снился приятный сон: дети бегают вокруг гэра, в котле кипит вода, горит огонь, вокруг разносится запах вкусной похлёбки с мясом, внизу, вдоль берега озера идут охотники с добычей, они несут на палках туши оленей, и всё вокруг покрыто буйной сочной травой, обещающей много молока от кобылиц и буйволиц. Она радостно улыбается, видя своего мужа, дети бегут навстречу... и в этот момент Айлана вдруг замечает на небе большой чёрный круг. Это – солнце. Но оно не слепит, а просто висит, как страшное напоминание о чём-то страшном и неизбежном.

Айлана резко открыла глаза и приподнялась, испуганно оглядываясь по сторонам. Губы сами шептали слова, которые когда-то, давным-давно произнёс старый шаман Улуг:

– Будет беда, большая беда...

Резкий порыв ветра повалил палку. Шкура упала, и внутри стало темно. Слабый свет углей освещал теперь только небольшую полоску земли вокруг невесомого пепла. В котле слышалось бульканье воды. Старая знахарка мешала длинной палкой какое-то варево. Горький запах говорил, что мяса там нет.

– Чего вскочила? – прошамкала она беззубым ртом. – Сейчас дам, – Сигха хотела принести ей чашку с отваром, но Айлана опередила её.

– Сиди. Я сама, – она засунула мешочек с травами под шкуру и подползла к чашке. Затем сделала несколько глотков и присела. Слабость ещё осталась, но теперь она чувствовала себя намного лучше, чем накануне. Однако на душе было беспокойно.

– Хорошо, – пробубнила старуха, бросив на неё косой взгляд.

– Нет, плохо, – вздохнула Айлана и поделилась с ней своим сном. Сигха выслушала и недобро покачала головой.

– Быть беде. Ой, быть беде. Раз Улуг рядом ходит, плохо, очень плохо. Он нас охраняет. Но от кого? Ох, плохо это. Горе нам всем, – они обе замолчали и долго смотрели на огонь, каждая думая о своём.

– Что же делать? – осторожно спросила Айлана.

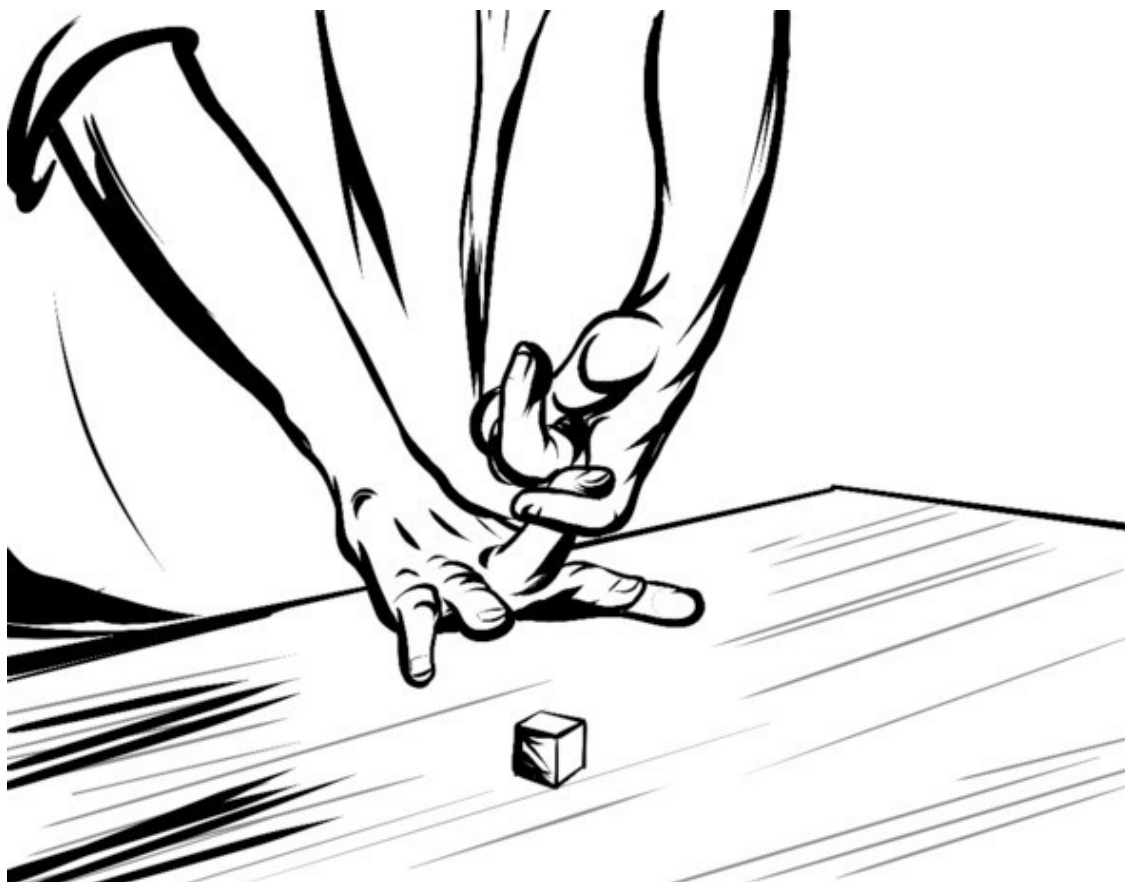
– Иди к шаману.

– Нет!

– Хм-м... Тогда жди мужа. Расскажешь ему. Лишь бы они вернулись, – как-то с горечью добавила старуха и снова покачала головой. Они обе сидели и молчали, пока Айлана не почувствовала, что хочет есть. Голод на время заглушил неясный страх; она выпила полчашки похлёбки, которую приготовила Сигха. Потом долго смотрела вдаль, сжав в руках маленькую янтарную капельку. Ей казалось, что у дальне горы видна тень старого шамана.

А потом потянулись длинные, томительные дни ожидания, однако теперь Айлана была уверена, что дождётся мужа и всё будет хорошо.

Глава 3. «Быстрее, выше, сильнее»

Богдана всегда хвалили за скорость и реакцию. Тренер, правда, считал, что это мешает правильно отрабатывать движения. Это звучало как упрёк, и было обидно. Спортм Богдан начал заниматься с раннего детства. В пять лет папа-Ваня привёл его в лёгкую атлетику, к своему старому другу, с которым они вместе тренировались в школе и институте. После нескольких занятий тот сразу сказал, что у парня есть способности, но их надо развивать.

– Понимаешь, Вань, взрывной он, – сжав кулаки и стукнув себя в грудь от досады, сказал тренер. – На эстафете забыл передать палочку. Говорит, думал, что можно ещё раз пробежать. Его и свои не догнали, и чужие. Только на втором круге остановили. Представляешь? Парень – огонь! Но надо работать.

Отец был не против. Однако уже через год Богдан попросился в спортивную гимнастику, потому что увидел, как во дворе старшеклассники показывали на турнике склёпку и выход силой. На перемене он тайком выскользнул из школы и попробовал повторить, однако ничего не получилось. Это его обескуражило, потому что старшие ребята, не напрягаясь, легко и непринуждённо взлетали над перекладиной, а он, хотя и подтягивался уже десять раз, никак не мог преодолеть эту преграду – дёргался, как рыба на крючке, и не мог понять, что делать.

– Иван Иванович, вы точно хотите в гимнастику? – спросил его невысокий, крепкий тренер в спортзале. – Он же легкоатлет, – делая акцент на букве «а», произнёс обладатель широких плеч и вопросительно поднял брови, как бы намекая, что суетиться не стоит. Но папа-Ваня был другого мнения.

– Согласен в общем. Однако в частности... вы ведь сами знаете, что делать нелюбимую работу – это насилие. В беге ничего не получится, потому что он будет думать о гимнастике.

– Да, бывает и такое. Но и здесь так же: время потратит, а выхлопа никакого не получится и бегать зря бросил. Говорят, у него там хорошие результаты, – слабо постарался возразить тренер.

– Да, хорошие. Но давайте попробуем. Мы ведь ничего не теряем, правда? – с искренней улыбкой настоял папа-Ваня. И у него это получилось. Гимнаст пожал плечами, пробормотал «Ну ладно...» и с кислой миной протянул руку. За два года в гимнастике Богдан добился большего, чем планировал тренер. При этом после занятий он ещё занимался акробатикой с другой группой, потому что мама-Таня не успевала в это время забрать его из спортзала. Тренер по акробатике была женщиной строгой, но не возражала, понимая их проблемы.

В начале четвёртого класса родителей вызвали в школу, потому что Богдан впервые в жизни серьёзно подрался. Он и раньше был вспыльчивым, не давал в обиду себя и друзей, но у малышей всё обычно кончалось «песочницей», как они называли это в семье: дети либо кидались песком, либо игрушками, а в школе – учебниками и сменкой. Иногда толкались. Да, они с матерью предполагали, что рано или поздно такое случится, но не думали, что так быстро. Одиннадцать лет, по их мнению, было рановато...

– Ну что ты хочешь, Танюша, он же мальчик! – пытался успокоить папа-Ваня нервничавшую жену после школы. Там им для начала прочитали «моральную лекцию» и лишь через полчаса сообщили суть: восьмиклассники дежурили на этаже и следили за порядком, а четвероклассники устроили на перемене игру в футбол, пинали резинку по паркету и не слушались. Естественно, старшие стали гоняться за младшими. Как всегда, отловили всех, кроме Богдана. К тому же он ещё издевался над ними, обзывая обидными словами, которые с лёгкостью впитывал во дворе и на тренировках от старших товарищей. Как любому мальчишке, это казалось ему признаком силы и крутизны. Однако в школе нашёлся один хитрец, который поймал его «на слабо». Сказал, мол, давай бороться. Бегать все умеют, а ты побори меня.

Этот старшеклассник оказался спортсменом со стажем. Он занимался самбо и, конечно, повалил маленького четвероклассника на лопатки за две секунды. На этом бы всё и закончилось, но Богдан не смог стерпеть такого унижения и со злости плюнул ему в лицо, потому что не мог пошевелить ни руками, ни ногами. Самбист опешил и от неожиданности на мгновение ослабил хватку. Этого делать не стоило, потому что дальше последовал удар в нос. Бедолагу отвезли в травмпункт, а Богдан всё это время сидел в классе под присмотром классной руководительницы. При этом он умудрился нагрубить даже завучу и ещё одной учительнице, которые пытались отругать его за плохое поведение.

– Да, история, конечно, сложная... – задумчиво протянул Иван Иванович. – Но что делать дальше? – осторожно спросил он, предполагая услышать мысли завуча первым.

– Это вы мне скажите, как вы вырастили такого сына, который наносит тяжкие увечья школьникам и не уважает старших! Он же... Он же... хамит неприкрыто! Вы его воспитали, вот вы его и накажите! – воскликнула в праведном гневе завуч. Это была тучная женщина бальзаковского возраста, дряблые щёки которой смешно вздрагивали при каждом слове, а в глазах вспыхивал фейерверк искреннего негодования. Так что порка ремнём с последующей постановкой в угол на гречку должны были показаться единственным правильным наказанием, которое она признала бы в этом случае.

– То есть, выбор за нами? – уточнил папа-Ваня, и получив кивок в знак согласия, с облегчением вздохнул. – Хорошо. Тогда мы пойдём. Дома решим и вам обязательно сообщим. А где Богдан? В классе?

Не успев сменить самодержавно-престольное выражение лица на подобающее данной ситуации возмущение, завуч снова кивнула и только потом поняла, что ей ничего не сказали о самом наказании. Но было уже поздно. Иван Иванович пропустил жену вперёд и, попрощавшись, закрыл за собой дверь.

До дома все ехали молча. Уже в квартире, сев на кухне за стол, он усадил сына на стул и спокойно спросил:

– Сколько раз ты его ударил?

От неожиданности Богдан открыл рот. Мама уронила в раковину чашку. Раздался звук разбитой керамики.

– Что ты... – начала она было гневным тоном, обращаясь к мужу, но осеклась увидев его жёсткий взгляд.

– Танюш, у тебя, кажется, кружка упала. Это – к счастью. Посуда всегда бьётся к счастью, – затем улыбка исчезла с лица папы-Вани, и он снова повернулся к Богдану. – Итак, сколько?

– Три...

– А в глаз?

– Один. Промахнулся, – ничего не понимая, отвечал Богдан.

– Плохо. Бить надо всегда один раз. Запомни это! Второе, бить надо первым. Тоже всегда. И третье, делать это надо только в одном случае, – он сделал паузу, чтобы до Богдана дошло. – Только когда тебе угрожает смерть. Понял?

– Нет, – честно признался Богдан. – Он же меня обманул! И ещё на пол бросил. Больно. Всей спиной. Они все смеялись! Почему...

– Стоп! – резко оборвал отец. Таким суровым папу-Ваню Богдан ещё не видел. – Давай договоримся, если можно уйти в сторону, уходишь. Если можно не драться, не дерёшься.

– Даже если бить будут? – хмуро спросил сын.

– Не будут. Больше не будут. Поверь. Завтра объясню. Сейчас давай сначала решим это. Итак, чтобы у нас больше не было проблем в школе, драться ты там больше не будешь. Хорошо?

– А за школой можно? – не сдавался юный возмутитель спокойствия.

– Тоже нельзя!

– А где можно?

– Нигде!

– Ну как же так – нигде и никогда?

– Да! – папа-Ваня откинулся на спинку стула и, скрестив руки на груди, несколько секунд молчал, что-то обдумывая. – Первое, драться можно, когда научишься сдерживаться и не грубить старшим... даже если они не правы. А второе... второе – вот! – произнёс он с улыбкой и взял с подоконника коробку с сахаром. Достав кубик, он оттянул средний палец и с силой ударил по нему.

– Ой! – вздрогнула мама-Таня от громкого звука и быстро обернулась. Перед ней сидели Богдан с вытянутым лицом и муж, который пытался смести ладонью кусочки разлетевшегося по всему столу сахара. – Что это? – нахмурившись, спросила она.

– Да так, ничего, – проворчал папа-Ваня. – Лычку отпустил.

– Ух, напугал. Я думала, что-то упало. В детство впал? Возьми, подмети, пока по всему дому не разнесли, – она протянула ему совок и веник.

– Сейчас... Ну что, договорились? Как научишься разбивать, вот тогда и можешь драться. По рукам? – спросил он сына, который, не отрываясь смотрел на стол.

– Да, – кивнул Богдан.

– Ладно, иди, делай уроки. Завтра ходим кое-куда. Там всё поймёшь. Всё, иди, дай убрать. Видишь, как разлетелось.

Богдан был настолько поражён увиденным, что долго сидел в комнате и пытался стучать по столу пальцем. Дождавшись, когда родители ушли к себе в комнату, он прокрался на кухню и стащил с подоконника открытую пачку. Потом, закрывшись в комнате, залез под кровать и до поздней ночи пытался разбить там хотя бы один кусочек. Но всё было тщетно – сахар не поддавался.

Утром, перед школой, папа-Ваня позвонил кому-то по телефону и сказал, что заедет вместе с сыном после обеда. Богдан был озабочен в тот момент совсем другой проблемой и не стал ничего спрашивать. Беднягу больше волновало, как спрятать в карман руку, чтобы родители не увидели последствия его ночных упражнении.

После шестого урока отец, как и обещал, зашёл за ним в школу. Спросил, как дела, и они не спеша направились на остановку. Молча доехали до улицы Борсоева. Здесь в Улан-Удэ было много детских учреждений.

– В новую школу, что ли? – спросил Богдан, увидев похожее здание. – Переводить будете?

– Нет. Зачем? – пожал плечами отец. – Всё гораздо проще. Сейчас увидишь.

Они зашли внутрь, где прямо у охранника их ждал мужчина средних лет в спортивном костюме, короткой стрижкой и открытой улыбкой.

– Баир Викторович? – приветливо спросил отец.

– Да, – кивнул тот и сделал шаг навстречу.

– Мы от Владимира Владимировича... Бараева.

– Да, да, его ученик звонил. Знаю, знаю. Такой человек! Друг Сафронова!

– Легенда, я бы сказал, – улыбнулся в ответ папа-Ваня, крепко пожимая руку.

– Не волнуйтесь, у нас много ребят, дружный коллектив, так сказать. Работают отлично, спортсмены, – широко улыбаясь затараторил тот. Затем повернулся к Богдану и протянул руку. – Привет! Я – Баир, твой тренер.

– Баир Викторович, – поправил негромко отец. Мужчина в спортивном костюме понимающе кивнул.

– Ну что, пойдём в зал? Посмотрим на тебя. Вроде спокойный, – усмехнулся тренер. – Ну-ка покажи руки, – попросил он. – Что у тебя там с костяшками? На кулаках стоишь? – сыпал он вопросами, ожидая, когда его собеседник покажет свои руки. Но Богдан не шевелился. Заподозрив неладное, Иван Иванович присел и тихо спросил:

– Что случилось? Всё нормально? Покажи руки. Это – секция бокса. Здесь тебя научат не драться.

– Как это? – опешил Богдан, услышав последние слова. – Бокс же это... про драку.

– Почти, – заметил отец и потянул его за локоть. Когда на свет показалась правая рука с распухшим до синевы средним пальцем, папа-Ваня расхохотался и хлопнул себя по лбу. – Вот чёрт! Тут я виноват, – он повернулся к тренеру и покачал головой. Понимаете, вчера у нас произошёл небольшой инцидент в школе... – и он поведал всю историю от начала до конца. Теперь уже рассмеялся их новый знакомый.

– Ну ты даёшь! И что, получилось с сахаром? – спросил он. Богдан вздохнул и расстроено покачал головой. – Понятно. Кусковой – дело трудное. Палец поноет дней пять. Ну ладно, приходи тогда на следующей неделе. Раньше не пройдёт, по себе знаю, – всё ещё смеясь, добавил тренер.

Так Богдан начал заниматься боксом. Мама привозила его на полчаса раньше, потом снова ехала на работу. Но в соседнем зале в это время начиналась тренировка в секции самбо, причём такая, что Богдан не смог устоять и сразу же попросился хотя бы полчаса «поработать» вместе с борцами.

Молодому тренеру было лень проводить полноценную разминку и, разделив ребят на две команды, он бросал на маты баскетбольный мяч. После этого в зале начиналось «самбистское регби»: надо было добежать, донести или добросить мяч до края противника и положить его там на последний мат. Естественно, передачи делались как угодно и чем угодно, а для остановки несущихся, как ураган, соперников разрешалось применять любые приёмы самбо. Так как за соблюдением правил следили обе команды, то нарушений не было. За удар или нечестное поведение могли потом наказать очень жёстко. В такой игре даже слоноподобные «тяжи»

могли пострадать от двух-трёх легковесов не меньше, чем от удара автомобиля. Поэтому игра проходила радостно и громко. Но в зале за шумом никто не следил.

Богдана сразу стали ценить за скорость, однако ему не хватало веса и умения делать приёмы, поэтому вначале он удивлял всех только своими высокими прыжками и сальто над падающими под ноги соперниками. Вскоре, правда, к этим «выпендрёжам» привыкли и приноровились ловить его в момент приземления. А ещё сбивали сзади, что было довольно больно и обидно... но не запрещено. Поначалу он ругался и кричал, даже обзывался. Но из-за возраста над ним только смеялись. Тогда Богдан начал наблюдать за ребятами и их приёмами. А через пару месяцев стал повторять, чем вызвал у тех невероятный восторг. Игра всегда выявляет лучшие и худшие качества человека, и в ней нельзя долго скрывать эмоции, особенно если ты подросток. Поэтому здесь все искренне радовались его успехам.

С боксом всё было наоборот – тренер сам проводил разминку, требовал строгого соблюдения дисциплины, заставлял сотни раз отрабатывать одно и то же движение и доводил спортсменов до изнеможения, постоянно повторяя, что навыки закрепляются только после того как ты устал и не можешь поднять руки. Однажды Богдан не выдержал и дерзко спросил, почему бы сразу не приезжать на тренировку уставшим или не начинать занятия в полночь, когда все валяются с ног и хотят спать, на что получил короткий ответ:

– Нас так учили? и ничего, выросли. Терпи!

Груша казалась бетонной и удары по ней не вызывали никакой радости. Бой с тенью – тоже. Богдан не мог представить себе неподвижного противника, как требовал тренер, не мог вести с ним поединок, не мог делать двойку в голову или двойной джеб по сто раз, потому что уже в середине упражнения ему начинало казаться, что надо нанести третий удар, чуть ниже, или уклониться и бить только после обманного движения. Ему хотелось разнообразия. Тренер видел это, но вместо помощи нагружал ещё больше.

Через полгода объявили отборочные соревнования среди новичков. Надо было провести всего три раунда. В шлемах и перчатках, с капями и защитой на пах. Всё по-взрослому. Богдан все бои провёл на одном дыхании и даже не устал. Просто держался от противника на дистанции и уходил то влево, то вправо. А когда его догоняли, быстро уклонялся и внимательно смотрел за движением головы и корпуса, как подсказывал дома отец. Но в этом возрасте подростки всегда ведут себя одинаково – они напрягаются, зажимаются и даже если идут в атаку, то скорее от отчаяния и злости, чем с холодным расчётом. Поэтому бои получились скучные.

Единственное, что отличало Богдана, это бахвальство. Сам не зная почему, он начинал выкрикивать сопернику обидные слова, обзывать его, делать знаки, как бы приглашая идти вперёд, и со стороны это выглядело показушно и некрасиво. Тренер все бои простоял красный как рак. Когда всё закончилось и старшие наставники ушли, Баир Викторович устроил «разбор полётов». Отругав всех, кроме Богдана, он долго молчал, а затем сказал:

– Бокс – это расчёт и концентрация. Понимаете?! Повторяю: кон-цен-тра-ция, – по слогам повторил он. – Болтунов здесь не бывает. Их выносят в первом же раунде! Понятно?

– А как же Мухаммед Али? – донеслось справа Это был Богдан. Тренер набрал воздух в лёгкие, задержал его на мгновение и медленно выдохнул.

– Так, упали все на пол! Стали на кулачки. Я тоже с вами стою и считаю, – к концу первой минуты «в живых» остались всего два человека – сам тренер и Сергей, старшеклассник. Богдан не дотянул до половины. Острая боль в кистях подкосила его, и рухнув лицом на пол, он готов был сгореть от стыда.

– Вот так, – довольно протянул Баир Викторович, поднимаясь через три минуты. – Вставайте! Когда сможете так полчаса или час простоять, будете настоящими боксёрами. А до этого делайте то, что я сказал, и не умничайте!

Никто не понял, почему именно это упражнение должно было сделать их настоящими боксёрами, но в раздевалке ребята молчали и прятали взгляды, спеша побыстрее переодеться и уйти домой. Радости никто не испытывал.

Дома отец сразу заметил его хмурое настроение и спросил, что случилось. Богдан, злясь на себя и не понимая, почему он не смог никого победить, выложил всё начистоту.

– Я же могу пятнадцать раз подтянуться! Сорок раз на брусьях! Что не так? Что тут? Как это? – расстроенно спрашивал он. – Бью, бью, а он не падает! А потом тренер поставил нас на кулачки. Стояли. Пока все не упали.

– И ты?

– И я! Здесь же мышц нет. Пальцы и кости. Как их накачать?

– Говоришь, сказал, полчаса сделают тебя настоящим боксёром? – усмехнулся в ответ папа-Ваня, и в его добрых, светло-серых глазах промелькнула ирония. – Вряд ли, вряд ли.

– Но он так сказал! Честно!

– Не кричи. Раз тренер сказал, значит, знает. Упражнение хорошее. Поможет, согласен. Но это не всё.

– Как не всё? А что всё? Ты покажешь? Это можно натренировать? – сыпал вопросами Богдан.

– Конечно! Но не сегодня. Завтра посмотрим на кисти. Если боли не будет, покажу. Там пять косточек между суставами. Главное, не повредить их. Ладно иди, делай уроки. Помощь нужна?

– Не-а. Сделаю. С биологией маму спрошу, и всё, – скривив лицо, фыркнул в ответ он. После серого полуподвального помещения раздевалки, где он уже почти принял решение бросить бокс, жизнь вдруг заиграла яркими красками и многообещающими намёками. Это был первый урок, когда Богдан понял, что «торопиться надо медленно», как любила повторять мама-Таня, и что совет близкого человека может изменить твоё мнение самым кардинальным образом.

Глава 4. Нерадостное возвращение

Айлана чувствовала себя уже намного лучше. Она стала ходить с дочерьми в лес, спускалась за водой к реке и радовалась весне, хотя в душе ощущала тянущее, непреходящее напряжение. Когда через десять дней на краю озера появились охотники, женщины и дети стали громко кричать и прыгать, разнося новость по всему стойбищу. Айлана вдруг почувствовала, как сердце на мгновение замерло и затем радостно забилося в трепетном ожидании встречи. На лице невольно появилась улыбка. Улыбка долгожданного счастья.

Когда охотники шли мимо леса, ей показалось, что последний остановился и присел, поправляя маймахи. А потом повернул в сторону и скрылся в кустах. Она удивлённо моргнула несколько раз, потому что фигура показалась до боли знакомой, но этого не могло быть... В этот момент подошёл Баргуджин, и на время всё забылось.

Все громко радовались. Дети были вне себя от счастья. Младшие сыновья не сдержались и бросились на отца, как на жертву. Однако, увидев лицо мужа, Айлана поняла, что дела плохи. Хотя охотники вернулись с большой добычей, никто из них не улыбался, как это обычно бывало после удачной охоты. Никто не рассказывал старикам и детям увлекательные истории, никто не кивал на туши буйволов, все расходились по своим гэрэм молча и серьёзно, как будто кто-то погиб от лап разъярённого медведя.

Опустив сыновей на землю, вождь потрепал их по головам, затем обнял дочерей и только после этого прижал к груди жену. Айлана почувствовала, как он глубоко вздохнул, как будто хотел что-то сказать, но, разжав объятия, лишь коротко произнёс:

– Поговорим позже.

Оставив у гэра лук и копье, Баргуджин отправился к старейшинам. Седовласы туматы уже собрались на небольшом пятачке между островерхих жилищ, где обсуждались самые важные вопросы племени. Женщины остались разделять добычу, а притихшие дети то и дело бросали взгляды в сторону хмурых отцов и дедов, ждавших появления вождя.

Когда он пришёл, шаман бросил в центре шкуру волка и произнёс хриплым от волнения голосом:

– Мы долго ждали тебя, великий вождь. Расскажи нам, как прошла охота, – он старался угодить, и все это видели.

– Сядь, Дзэтай, – глядя исподлобья, сказал Баргуджин. В его голосе прозвучала усталость. – Охота была долгой... и трудной, – он какое-то время задумчиво смотрел поверх голов замерших в напряжённом ожидании соплеменников, как бы возвращаясь мыслями к тем событиям, о которых они хотели знать. Медленно обведя всех тяжёлым взглядом, Баргуджин приложил руку к груди, затем наклонил голову, приветствуя старейшин, и поднял ладонь вверх. Мудрые седовласые мужчины были самыми старыми и опытными членами племени, без их одобрения не принималось ни одно решение, даже когда надо было просто перекочевать с места на место и сменить уголья, не говоря уже о спорных вопросах с соседними племенами. Вождь всегда должен был обращаться сначала к ним, и только затем – к главным охотникам, сильным и опытным товарищам, которые, однако, тоже вынуждены были слушаться своих стариков.

– Говори, – негромко произнёс один из седовласых туматов и кивнул ему, нахмутив брови.

– Отцы, братья, все вы знаете, что мы пошли в дальние земли. Сначала по предгорью, затем – через ущелье к реке и дальше, в степь. Через три дня мы вышли к началу гор. Там было пусто. Олени, быки, буйволы, лисицы, волки, даже птицы – все ушли. Страшный зверь прогнал их из этих земель. Улуг был прав. Зима убила всё живое. В степи остались только белые кости буйволов.

Дальше Баргуджин рассказал, как они добрались до бурных порогов, где начиналась земля ситучей. Это племя жило с туматами в мире. Они помогали другу другу в трудные времена. Прошлым летом Баргуджин предупредил их вождя о предстоящей беде, но с тех пор они не виделись. Нападения Баргуджин не боялся, но шёл осторожно, стараясь прислушиваться ко всем звукам, которые глушила бурлившая между камней вода. Через день в подлеске встретился большой олень. Охотники схватились за луки, но он приказал не стрелять. Олень был редкостью даже в хорошее время, и если его не убили ситучи, значит, они были где-то рядом. Это было мудрое решение, потому что вскоре появились охотники в мохнатых островерхих шапках. Их одноглазый предводитель криво улыбнулся и крепко обнял Баргуджина.

– Мы благодарим тебя, вождь туматов! – громко сказал он, чтобы слышали остальные. – Я поверил тебе. Зима была лютой. Много стариков умерло, но племя выжило. Скажи Улугу, что он – великий шаман!

– Улуг покинул нас, ушёл в долину предков, – со вздохом ответил Баргуджин. – Мы тоже охотились, но еды всё равно не хватило. Вот видишь, дошли до твоих земель.

– Охота плохая, да, – протянул Огай. – Хорошо, что оленя не убили. Мало оленей сейчас. Мы не трогаем их, пусть расплодятся к лету.

– Нам без добычи нельзя, – сказал Баргуджин.

– Ситучи всегда рады видеть тебя, вождь туматов. Пойдём с нами. Нам есть о чём поговорить, не только об охоте.

В стойбище их встретили настороженно, но после нескольких слов одноглазого Огая всё изменилось. Туматов напоили и накормили, а на следующий день отвели к предгорьям, где все вместе охотились на низкорослых быков сарлагов. Оба вождя в это время оставались в стойбище. Баргуджин сидел в гэре со старейшинами ситучей и слушал рассказ Огая.

Следуя его совету, тот прошлой осенью послал несколько самых выносливых мужчин далеко за границы своего племени, чтобы они нашли стада диких быков и коротконогих оленей. К тому же, он хотел проверить слухи о новой угрозе из южных степей, которые его охотники задолго до этого слышали от усуней. К сожалению, слухи подтвердились.

Монголы объединились в одно большое войско, в несокрушимую и ненасытную Орду. Говорили, что она направилась к Великой стене, чтобы разграбить скрывавшиеся за ней города империи Цзинь. Монголы прошли до самого дальнего моря, разоряя и сжигая всё, что попало им на пути. Народы, которые не хотели быть растоптанными их бесчисленной конницей, снимались со своих стоянок и перекочёвывали в другие места. Некоторые успевали это сделать, некоторые – нет. Те, кто избежал смерти, не всегда могли найти хорошие пастбища в новых местах. Два племени, суань и турзцы, чьи люди приезжали к ситучам каждую осень за шкурами, салом и копытами, неожиданно исчезли, и никто не знал, что с ними произошло.

Несколько охотников ходили далеко на север. Они вернулись совсем недавно, потому что снег закрыл проход назад, через горы. Там, где они провели зиму, было много животных, но мало людей. Снег был везде, но морозы не такие сильные, как в предгорьях и степи. Охотники вели себя осторожно. Несколько раз они видели вдали незнакомых всадников. Ситучи не приближались к ним. Незнакомцы вели себя по-другому: они не скрывались и, видимо, ничего не боялись.

Огай сказал, что это были передовые отряды монголов. Кони орды передвигались слишком быстро, поэтому они отправляли своих разведчиков всё дальше и дальше в поисках еды. Их вождь Тэмуджин вернулся из империи Цзинь и покорил все племена до больших гор, за которыми начинались земли усуней. Усуни были последними племенами на пути к землям ситучей и туматов. Часть из них платила дань, но была свободной от рабства. Скоро это могло измениться.

Но почему вождь монголов не возглавил свои войска сам, а послал кого-то другого? Может, он побоялся идти в их холодные земли? Или у него было мало воинов? Так сначала думали старейшины соседних племён, но мудрый одноглазый Огай знал, что воинов в этих передовых отрядах монголов было больше, чем в десяти племенах ситучей, если бы они существовали.

– Тэмуджин не остановится. Он хочет править всем миром. У него очень много лошадей. Он не может всех возглавлять. Он – один! Они скажут в разные стороны. Их ведут вперёд его дети. Перед возвращением наши люди видели чёрный дым над долиной усуней. А ведь снег ещё не сошёл, травы нет, лошади пройти там не могут. Кто же на них напал? Неужели у монголов есть крылья? Или они везут траву для лошадей с собой? Тогда они могут даже зимой прийти к нам? – задавал он вопрос за вопросом, глядя на старейшин своим единственным глазом. – Думаю, могут. И придут. Скоро придут. Наш брат из племени туматов, вождь Баргуджин, услышал эти слова. Он передаст их своим людям. Нам надо держаться вместе. И принять мудрое решение. Среди ситучей нет единства. Поэтому мы хотим, чтобы наш верный друг Баргуджин спросил совет своих старейшин, и мы услышали их. Надо успеть до первой травы. Потом может быть поздно.

– Огай, ты – опытный охотник, – сказал тогда Баргуджин. – Но я не думаю, что монголы умеют летать. Они не спешат покорить наши земли. Здесь нет раздолья коням и буйволам, а кормить столько людей... хм-м... как ты сказал, десять племён – это непросто сделать в наших предгорьях. Но в одном ты прав – беда идёт. И если не этим летом, то следующим она будет здесь точно. Я хочу выслать своих охотников к усуням. Если ты согласишься, я оставлю у тебя двух человек, чтобы они ещё раз сходили вместе с твоими людьми в ту долину, где видели дым.

– Думаю, старейшины, согласятся, – обратился Огай к седовласым ситучам. Никто не проронил ни слова. Все были согласны. Потом самый старый предложил отправить дозор-

ных как можно быстрее, а другой посоветовал туматам и ситучам объединиться, чтобы быть рядом и действовать сообща. – Это хорошо, но нас всё равно мало, – сказал тогда Огай. – Вокруг есть другие племена. Их, как пальцев на руке. Объединяться надо всем. У нас мало охотников. Наши два племени – это двести раз пальцы на руках. Мало.

После этого они ещё долго сидели возле огня, пили настой трав и вспоминали прошлые времена, но то и дело замолкали, думая о монголах.

Всё это Баргуджин рассказал своим людям, повторив, что судьба любого племени, которое попадалось Орде на пути, была незавидной: одни бежали, но не могли выжить на новых землях, другие пытались сопротивляться, но исчезали ещё быстрее, чем успевали взяться за оружие, третьи покорялись и вливались в армию Орды. За это им оставляли жизнь.

Туматы думали. Нежаркое солнце уже давно прошло верхнюю точку и было на половине пути к горизонту. Его тепло постепенно ослабевало, и скоро на поселение должен был опуститься промозглый вечерний туман. Над головами жужжали ранние пчёлы и жуки, проснувшиеся с наступлением весны, но запах холодной, сырой земли всё ещё витал в воздухе, напоминая о тяжёлой зиме.

После слов вождя ощущение тяжести и опасности только усилилось. На лицах охотников застыло выражение напряжённого ожидания. Баргуджин обвёл их внимательным взглядом, пытаясь понять, не дрогнул ли кто-нибудь, не испугался ли, не подумал ли, что пора бежать со всех ног неизвестно куда, спасаясь от ужасной беды? Однако соплеменники молчали и ждали, что он скажет дальше.

– Да, многие сдаются. Им оставляют жизнь, – хмуро продолжил Баргуджин. – Они становятся воинами Орды. Но у них забирают всё остальное: буйволов, жён, детей и свободу. Мужчины идут воевать за Чингисхана, убивают и погибают по его приказу, дети подрастают и занимают места отцов, бывшие жёны рожают новых воинов для его войска. Так растёт Орда. Говорят, что Чингисхан провозгласил себя главным вождём всех монголов. Он хочет править миром. Наши братья из племени ситучей предлагают объединиться. Они говорят, что мы вместе сможем дать отпор. Орда придёт, это точно. Поэтому я хочу спросить вас, самых опытных и мудрых, – Баргуджин повернулся к старейшинам, – что нам делать? Как быть? Воевать здесь или уйти той дорогой, которой мы пришли сюда из холодных земель за большим озером?

Не успел он закончить, как с места вскочил Буай, самый молодой из охотников. Солнце отражалось в его больших, горящих глазах, как в двух озёрах на закате, ноздри раздувались, кулаки были сжаты, и всем своим внешним видом он выражал решимость и желание немедленно ринуться в бой.

– Уходить нельзя! – выкрикнул юноша и замер с открытым ртом, задохнувшись от переполнявших его эмоций.

– Сядь, Буай, сын Сэтхука, – сказал ему Баргуджин. – Ты – молодой охотник, ты говоришь сердцем. Я знаю, что ты думаешь. Все туматы – храбрые, не ты один. Каждый готов защитить свою землю и семью. Но это – первая мысль, которая рождена сердцем, а не головой. Ты, как олень, раненый стрелой, думаешь, что полон сил и можешь убежать от охотника, и даже готов защищаться, выставив вперёд рога. Но ты не замечаешь, что силы тают и скоро ты упадёшь на землю. Я не говорю, что ты ошибаешься. Ты – молодец! Сердце часто подсказывает нам, как надо поступать на охоте или в беде. Но сейчас совсем другое дело, потому что беда ещё впереди. И мы – не охотники. Мы для монголов – олени. Ошибиться нельзя. Я жду ответа ваших сердец и ваших мудрых голов. Нам не надо спешить, чтобы поймать рыбу на нересте до заката солнца или загнать буйволов на пастбища до наступления холодов. Зима прошла, лёд на реке ещё не растаял, но когда он треснет, с верховьев понесётся вода других рек. Мы знаем, что она смоет всё до больших камней. Поэтому мы поставили свои гэры здесь, на высоком берегу, чтобы их не снесло. Так и с монголами. Мы не сможем остановить реку, потому что она сильнее нас. Ведь так?

– Да, да... – слышалось со всех сторон.

– Вы видите, что сейчас к нам идёт огромная река. Она разольётся по всей степи до самого предгорья. И нам надо найти место, которое она не затопит. Ты же не будешь сражаться с водой, когда она будет тебе по колено, а потом – по грудь? Ты поспешишь найти сухое место, чтобы спастись. Ведь так, Буай?

Юноша опустил голову, но было видно, что он не согласен. Все ждали ответа.

– Да, я понимаю, – нехотя выдавил из себя Буай.

– Хорошо, тогда не будем спешить. Вы слышали, что сказал мне одноглазый вождь ситучей Огай. Идите в свои холомы, обдумайте эти слова. Завтра в полдень соберёмся здесь снова и каждый, кто хочет, выскажет своё мнение.

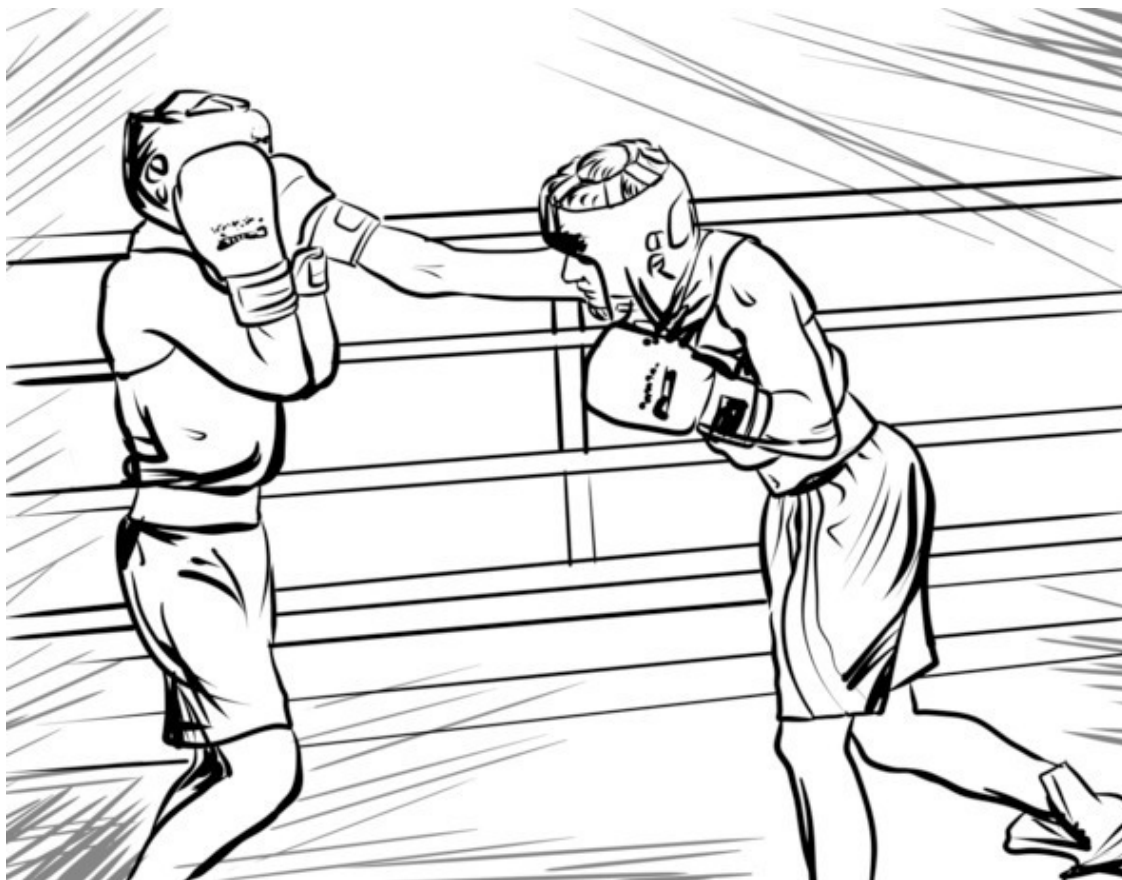
– Но разве мы не готовы обсудить это сейчас? – удивился один из старейшин. Баргуджин впервые нарушил порядок племени. Обычно все вопросы решали сразу, а на этот раз он зачем-то отправлял их по гэрэ и не давал высказаться.

– Не готовы! – резко оборвал его вождь. Он не хотел торопиться. За несколько дней пути Баргуджин успел обдумать все способы спасения, но до сих пор не был уверен в правильности своего решения. Что уж говорить о соплеменниках! Все слишком волновались. Могла вспыхнуть ссора. Опасно, опасно... Надо было успокоиться и подождать. Отец всегда говорил, что лучше отложить любой совет племени на день или два, чем допустить разлад. Потом не успокоишь...

И ещё была одна причина, по которой Баргуджин перенёс совет на следующий день. Он никому бы не сказал о ней, потому что она вызывала у него странное ощущение растерянности – ему почему-то хотелось поговорить с Айланой, своей женой, хотя раньше такого никогда не было. – Я всё сказал! – он сжал кулак и поднял его над головой. Затем встал и тяжёлой походкой направился в сторону стойбища. Больше всего ему сейчас хотелось остаться наедине с Айланой, посидеть у костра, помолчать, а потом просто полежать на толстой шкуре в гэрэ. И ни о чём не думать.

Баргуджин шёл мимо островерхих жилищ и вспоминал лица охотников, когда Буай, полный негодования, кричал, что готов вступить в схватку монголами, но не сдаваться. Когда-то, в далёком прошлом, он был точно таким же. Таким же, как юный Буай. Однако в те времена он был простым охотником, а сейчас отвечал за всё племя, за женщин и детей, стариков и воинов и жизнь этого горячего молодого тумата. Баргуджин шёл и ничего не замечал перед собой. Он видел только лошадиные гривы бесчисленных монгольских лошадей: если разбить один отряд в тысячу воинов, то придёт второй, и будет их в десять раз больше. Разобьёшь второй, и тогда придёт третий, в двадцать раз больше. Это всё равно, что черпать реку ладонью, ничего не выйдет – жизнь пройдёт, а река останется. Баргуджин это хорошо знал. Не понимал только, как эту реку обойти или переплыть. Слишком широка она была, слишком быстро несла свои воды и не было пока такой силы, которая могла бы ей противостоять.

Глава 5. Настойчивость и упрямство

Богдан проснулся очень рано. Солнце радостно стучалось в окно яркими лучами. Было воскресенье. Он прищурился и откинул одеяло. Надо было немного размяться. Поэтому начал вращать руками. Кисти не болели. Но даже если бы и болели, он бы ни за что не признался. Папа-Ваня, видимо, это тоже знал, поэтому долго проверял их на скрутку, тянул и мял, пока не убедился, что Богдан не врёт. После этого он показал, что надо делать для укрепления.

– Смотри, есть три упражнения. Первое, стоять на двух костяшках. Вот, на этих, указательного и среднего пальца. Второе, отжиматься на пальцах, без ладони. Третье, на обратной стороне кисти. Вот так, ладонь подворачиваешь под себя и стоишь на двух костях. Да, кисти подворачиваешь внутрь, под себя. Это – самое сложное.. Понял? В локтях только не выпрямляй до конца. Начинай пока на коленях. Не становись в полную стойку. Не спеши. Давай, ложись на пол, упирайся костяшками, и-и-и... подъём! Теперь вниз, меняй косточки на пальцы, давай, отжимайся вверх, не спеши... и снова вниз. Молодец! Ну и третий раз, на обратной стороне ладони. Осторожно, так, так, вот, молодец! Продолжай, только пока на коленях. Понял? На ноги не становись!

– Да ну, на коленях для слабаков! – надулся Богдан.

– Нет, не для слабаков. Растянешь кисти, будет беда. Полгода потом будешь восстанавливаться. Поверь, видел не раз, – уверенно возразил папа-Ваня. – Смотри, потом будешь делать такое упражнение, – и он стал перескакивать с пальцев на кулачки, а с кулачков на кисти, и так – десять раз, пока не устал.

– Ух ты! Баир Викторович так не делает.

– Неважно. Он умеет... точно. Вот смотри, главное – правильно поставить костяшки указательного и среднего пальца на пол, чтобы остальные ни в коем случае не касались! Средний, безымянный и маленький пальцы не работают, косточки на них не касаются пола ни в коем случае!

– Понял, – подтвердил Богдан.

Отец снял со стола свой ноутбук.

– Так, начинаем пока самое простое. Стоим на коленях и костяшках. Чтобы не сломаться. Терпишь, пока не станут ныть кисти. Давай по десять секунд попробуем. Потом вращаем немного, отдыхаем. Снимаем напряжение и снова стоим.

– А ноутбук зачем? – с любопытством спросил Богдан.

– Смотреть будешь. Чтобы отвлекаться и не думать. Кстати, давно хотел тебе показать. Круто и классно. Настоящий бокс. Посмотришь, как надо двигаться. Увидишь, что не всё от косточек зависит.

– Бокс? А кто там? Наши? Или Мухаммед Али?

– Нет. Помнишь Роя Джонса? Это – гений бокса. Просто красавчик, как говорит Владимир Ильич.

– Ленин?

– Нет, Гендлин. Но тоже гений, только комментария. Крутой чувак. Прикольно, в рифму даже. Ну ладно, давай, становись и смотри!

Папа-Ваня сидел на полу и контролировал время. Он знал, что после первого видео Богдана будет не оторвать от экрана. Поэтому когда наступало время перерыва, он хлопал сына по плечу, следил за разминкой и потом менял стойку.

Через два дня у стали ныть фаланги. Они даже немного расплющились. Пришлось перейти на кисти. Это было нормально. Параллельно они оба продолжали смотреть записи боёв. Папа-Ваня иногда комментировал, как будто сам занимался боксом, хотя это было не так. Оказалось, что в детстве он очень хотел пойти в секцию, но помешало плохое зрение, поэтому пытался дома бить по привязанным к дверям подушкам. Но через год подушка порвалась окончательно, а новую родители ему не дали.

Через месяц Богдан уже свободно мог продержаться пять минут. Хотел дольше, но папа-Ваня запрещал, показывая на косточки – они ещё не до конца «расплющились» и могли треснуть.

В школе уже знали, что он начал заниматься боксом, и чуть ли не каждый день находились желающие «попробовать его на слабо». Помня предупреждение отца, Богдан соглашался, но только не в школе. Всё происходило за углом продовольственного магазина, где обычно разгружались грузовики. Однако там всё проходило по одному и тому же сценарию: противник кидался на него с кулаками, проваливался в пустоту и через несколько секунд падал на асфальт, держась либо за живот, либо за скулу или нос. Затем они мирились и вместе тусовались на переменах.

Позже стали приставать пацаны из другого двора. С ними уже было не так просто. Обычно Богдан возвращался домой с двумя-тремя друзьями из соседних подъездов, и им приходилось давать отпор вместе. Однако его товарищам доставалось больше. Отец в конце концов всё узнал, но терпел. Лишь изредка спрашивал, не мешают ли царапины стоять на кулаках. Ответ всегда был отрицательный.

Через три месяца после начала домашних тренировок прогресс был настолько очевиден, что Богдан захотел похвастаться перед тренером, но не успел – объявили очередные соревнования между группами. Младшей секции надо было пройти «обстрелку» со средней, где занимались старшеклассники. Поэтому тренер, Баир Викторович, тренировал юношей интенсивнее и напряжённее. А перед самыми соревнованиями неожиданно заявил, что участвовать будут все, кроме Байдошина.

– Почему это? – прямо из строя выкрикнул Богдан. – Я, что, плешивый?

– Байдошин, тебе слова не давали! – осадил его тренер.

– А мне слова не надо. Мне драться надо! Почему мне нельзя? Я что, хуже других? – сжав кулаки, он шагнул вперёд, как будто собирался доказать свою правоту в бою. Ему снова стало обидно, как в детстве. Как будто кто-то снова хотел посмеяться над ним и его родителями.

И тут Баир Виторович допустил непростительную ошибку.

– Ты ещё на кулачках не научился стоять, – назидательно произнёс он и отвернулся, как бы показывая, что разговор окончен.

– Научился! – чуть не плача, выкрикнул Богдан. – Я больше вас могу простоять! – все замерли, а тренер, чувствуя, что надо ответить, совершил вторую ошибку.

– Правда? – надменно хмыкнул он. – Давай посмотрим. Становись!

Двадцать подростков заволновались и стали подталкивать друг друга локтями, тихо перебрасываясь короткими фразами. Они сгрудились вокруг того места, где на бетонном полу стояли на кулаках два человека – тренер и ученик. После четвёртой минуты у Баира Виторовича начали мелко подрагивать локти, а лопатки поднялись вверх, как крылья дракона. Он попробовал постоять на правой руке, трясая левой для расслабления, потом – наоборот, но это не сильно помогло. Где-то через пятнадцать секунд лицо его покраснело, он стал скрипеть зубами, сопротивляясь изо всех сил, а Богдан даже не шевелился, уставившись в пол невидящим взглядом. Он дышал. Дышал, как учил отец, чуть глубже, чем обычно, растягивая вдох и выдох. И даже когда рядом раздалось недовольное кряхтенье тренера, он не пошевелился.

– Ладно, вставай! – в голосе Баира Виторовича сквозило раздражение. – Хватит! Это я просто не размялся, – оправдываясь, добавил он. – Ну что стоишь? Вставай! Да, дольше простоял.

Богдан медленно поднялся и сразу же спросил:

– Я буду участвовать в соревнованиях?

Ответа не последовало, однако на следующий день его фамилия была включена в список.

Это были самые простые, обычные проверочные бои «между своими», которые проводятся во всех спортивных секциях. Однако в последний момент к их внутренним соревнованиям решили подключить юношескую сборную города, которая состояла на тот момент из спортсменов другого клуба.

Скандал разразился после третьего боя. В первых двух поединках «сборники» легко победили их юниоров, причём из старшей группы. Потом была средняя. Всё должно было скоро закончиться. И вот наступила очередь Богдана.

Волнения не было. Он чувствовал только невероятный подъём, как будто в груди горел большой огненный шар, который наполнял его огромной энергией. Эмоции перехлёстывали через край, и Богдан, войдя в раж, стал «драконить» противника, вызывая на обмен ударами, обзывая «лентям, тушей и жирдяем». Тренер было дёрнулся, чтобы прекратить это, но судьи остановили его, так как это не запрещалось.

Соперник был опытным, но оказался эмоционально неуравновешенным. Он стал гоняться за Богданом, но не раскрывался. «Пробежав» по рингу два раунда, он так разозлился, что в начале третьего сразу кинулся вперёд, чтобы зажать его в угол и добить. Однако этот парень не знал, что такое бегать между лавками и деревьями, спасаясь от двух или трёх преследователей, а потом ещё помогать своим друзьям отбиваться от них в парке.

Уличные драки были короче и беспощаднее, чем ринг со шлемами и перчатками, но они давали такой опыт ловкости и реакции, который в зале приобретался долгими годами. И вот когда сопернику всё-таки удалось зажать Богдана в угол, он так поверил в свой успех, что невольно расслабился. Вытянув левую руку, он спокойно прижал её к перчаткам Богдана, прицелился и нанёс сокрушительный удар в голову.

Его рука молнией преодолела это расстояние, однако в углу уже никого не было. Парень не увидел нырок и пропустил быстрый удар в солнечное сплетение. Короткий, не сильный, но точный. Дыхание сразу сбилось, свет потух, и к горлу подкатила тошнота. Он по инерции навалился всем телом на угловой мат, повис руками на канатах и стал медленно сползать вниз. Судья поначалу не понял, что произошло. Всё выглядело так, как будто Богдан в очередной раз уклонился и нырнул у соперника под правым локтем. Короткий удар в живот никто даже не заметил. Прошло несколько секунд, пока рефери вдруг не замахал руками и не позвал на помощь тренера.

– Что там? – донёсся до Богдана голос Баира Викторовича. – Поскользнулся, что ли?

– Наверное, сознание потерял, – ответил тренер старшей группы, который стоял рядом. – Вроде ничего не было. Повезло твоему бойцу.

– Да, это уж точно! Сам никогда не работает. Ждёт, пока другой упадёт! – в голосе Баира Викторовича задребезжали нотки раздражения. – Бегаёт, бегаёт по рингу. Кричит, нарываясь на неприятности. Базар какой-то. Никакого бокса. Сколько раз говорил, так не делают. Нет удара. Нет и всё! Куда ему выступать? Надо удар ставить.

– Не думаю, – как-то странно протянул его старший коллега, глядя на лежавшего боксёра. В зале стал нарастать шум. Оказалось, что «сборник» пришёл в себя, но бой продолжать не мог. Он признался, что пропустил удар в живот. Это было невероятно. Одна часть зала молчала, другая – удивлённо гудела.

Что происходило дальше, Богдан не помнил. В раздевалку его проводил старший тренер. Там он просидел с ним до следующего боя, расспрашивая о жизни, о школе, о дыхании, потом снова об учёбе, но о боксе они не говорили. Самое странное, что на второй поединок он вывел его сам. Баира Викторовича он вежливо попросил постоять внизу и просто посмотреть. Богдан не обратил на это внимания. Он весь был сосредоточен на словах пожилого тренера.

– Послушай, не спеши. Кричать не надо. Парень там опытный. Он бегать за тобой не будет, – спокойно, как отец, говорил тот, наклонившись к самому уху. – Подвигайся, поуклоняйся. Попробуй сокращать дистанцию. Он выше, руки длиннее. Будет работать издалека. Джебы будут. Не стой на месте. Давай, поработай в удовольствие. Настройся!

Раньше ещё никто, кроме родителей, не разговаривал с ним столь спокойным, подбадривающим тоном. И Богдан преисполнился такой благодарностью к этому пожилому наставнику, что готов был сделать для него всё что угодно. Поднырнув под канаты и глядя исподлобья на высокого и худощавого соперника, он вдруг ощутил реальную опасность: лица людей за канатами были слишком суровые, тренер противника хмурил брови, кивая в его сторону, соперник тоже активно двигал плечами, поднимая руки к голове. К нему отнеслись как к настоящей угрозе и собирались «разделить под орех». И разница в возрасте здесь не учитывалась.

Гонг звонко сообщил о начале поединка, и весь мир сузился до небольшого пятнышка света, в котором виднелись голова и плечи его противника. Сначала Богдан не знал, что делать. Пропустив пару джебов по касательной, он вдруг интуитивно почувствовал, что его будут ловить на движении вперёд, что противник постарается расстреливать его сериями, ожидая необдуманного рывка, контратаки, и потом нанесёт прямой в голову.

Очередная серия ударов только подтвердила его догадку. Повинуясь инстинкту, Богдан ушёл от неё, дождался следующего движения и, сократив дистанцию, повис на руках соперника. Их развели в стороны, но дальше на протяжении всего раунда он с завидным упрямством продолжал «вязать» длинные руки своего визави одним и тем же приёмом. В перерыве тренер в противоположном углу что-то безумно кричал, размахивая руками, и показывал, что надо делать. Его подопечный кивал, соглашаясь, но пока был спокоен.

– Ты что задумал? – с хитрой ухмылкой спросил Богдана тренер старшей группы. Он вытер ему лицо и помахал полотенцем. На движение Баира в их сторону он махнул рукой, показывая, что справится сам.

– Не знаю, – честно выпалил Богдан. – Руки длинные. Попадает. Сильный.
– Хм-м, сократи дистанцию и апперкотом снизу, – посоветовал седовласый наставник.
– Перекрывает, – Богдан скрестил руки, показывая, как действует соперник.
– Да, сложно. Но ты его не перебегаешь. Ещё два раунда. Мало по времени. Достать может, – как будто прочитал его мысли тренер.

– Да, знаю, – больше он ничего не мог сказать, и только глубоко дышал, восстанавливая дыхание.

– Ну тогда постукивай сам. Хоть чуть-чуть. Повис, ударчик и снова прилип к нему. Потом боковой и снова вяжи. Может, наступишь по печени.

Второй раунд весь прошёл в той же манере – Богдан висел на сопернике, не давая наносить удары. Зато его короткие, безвредные оплеухи в клинче взбесили высокого «сборника», он стал чаще дёргаться вперёд, давить на него, прижимать к канатам и явно хотел отомстить. Однако это отнимало силы, они таяли быстрее, чем хотелось, и после удара гонга было видно, что соперник подустал. Он шёл в свой угол, опустив плечи и тяжело дыша. Тренер стал сходу что-то объяснять, не дождавшись пока тот сядет.

– Хорошо, молодец, – услышал Богдан над ухом. Глаза закрыл край полотенца, он тоже немного устал, но не так сильно, как его противник. – Вот теперь можешь попробовать апперкотик ему засунуть. Только резко и точно в челюсть, – прозвучал последний совет.

– Да, – только и смог выдохнуть из себя Богдан, хотя под этим «да» он имел в виду совсем другое. Тренер ещё что-то говорил, но он его уже почти не слышал, только продолжал кивать головой через раз, а сам закрыл глаза и дышал, с удивлением прислушиваясь к частым ударам сердца в ушах. И думал о том, как реализовать внезапно пришедшую в голову мысль.

Дребезжащий звук старого железа снова вызвал бойцов на середину ринга. Богдан выполнил свой приём с захватом рук и выиграл несколько секунд. В глазах соперника вспыхнула злость. Рефери развёл их в стороны, и тут Богдан изменил тактику. Он стал уходить от длинных прямых джебов и опустил руки, как бы дразня противника. Это была копия боя Роя Джонса с Гленном Келли. Вместе с папой-Ваней он пересматривал его десятки раз и знал каждое движение наизусть. И вот теперь Богдану вдруг захотелось повторить тот красивый размашистый удар, которым Рой Джонс выиграл у Келли.

– Гленн силён, – вздыхал отец. – Просто Рой ему ни разу не подставился. Смотри, как двигается. Ни секунды на месте, – всплыли в голове его слова. Он решил, что сможет точно так же обмануть своего противника. И сразу пропустил удар в корпус и в голову. Упав на ринг, Богдан закрыл глаза, сделал три глубоких вдоха и встал. Рефери ещё считал, но он уже поднялся, показал ему перчатки и подтвердил, что готов продолжать бой. Соперник решил, что всё кончено, и явно собирался идти на добивание. Высокая фигура ринулась вперёд, нанося удары один за другим, как будто внутри у этого парня был вечный двигатель. Но Богдан уже пришёл в себя и принял вызов. Подняв руки к голове, он сжался в комок и стал делать глубокие нырки, отвечая резкими боковыми ударами. Через минуту силы кончились у обоих. Перчатки опустились вниз, но надо было продержаться ещё шестьдесят секунд!

– Что? Сдох?! – с кривой усмешкой бросил Богдан в лицо противнику. Это было нечестно, но в нём говорил дух улицы и желание победить. Тот готов был разорвать его на части, но физически не мог это сделать. – Давай! Ну! – продолжал издеваться Богдан, не замечая, как старый тренер неодобрительно покачивает головой, как злится внизу Баир Викторович, как впился в канаты тренер «сборника»... Из него вырывалась накопленная обида и постоянное желание быть лучше, доказывать, что он достоин похвалы, что даже несмотря на то, что у него приёмные родители, они лучше всех остальных в мире!

Из угла соперника слышались громкие крики тренера. С его стороны царило напряжённое молчание. Богдан вспомнил, как они с папой-Ваней забирались на крутую гору и до вершины оставалось совсем немного. Тогда им сильно хотелось пить, руки и ноги ныли

от усталости, но они сцепив зубы, терпели, пока в конце концов не заползли на небольшую площадку на самой вершине. Это было невероятно! Сладкое чувство превосходства, восторга и победы над самим собой надолго запомнилось Богдану, и теперь он представил, что находится рядом с такой же вершиной.

Рефери махнул рукой, и бойцы снова сошлись в центре. Уклон вправо, влево и крик сзади – «двигаться, не стоять на месте!». Да, надо держаться чуть дальше, не давать ударить. Ещё, ещё чуть-чуть... «Заманивает и уклоняется» – Богдан повторял про себя эти слова папы-Вани, когда тот комментировал бой Роя Джонса. Просто повторял и ждал. Но соперник не расслаблялся. Часы на столе судей начали отсчитывать последние пятнадцать секунд.

– Спурт! – послышался громкий крик сбоку. Это был приказ добить его во что бы то ни стало. Спурт означал бешеный рывок вперёд, включение максимальной скорости. Спурт – это была атака на морально-волевых, когда после удара гонга падаешь на ковёр без сознания и в чувство приводят только при помощи нашатыря.

Как хорошо выдрессированная собака, противник поднял перчатки и стал наносить удары с невероятной скоростью, то и дело проваливаясь всем корпусом в пустоту. Он уже не видел, куда бьёт, но не мог остановиться. Не имел права. Ему приказали...

Когда канаты по-дружески упёрлись в спину, Богдан хотел сначала уйти вправо, но не стал. Сил почти не осталось. Что-то внутри подсказало, что это – конец. Последняя точка, вершина, тот пик, на который заберётся либо он, либо его соперник. Богдан мог сделать только одно движение. И больше ничего. Сил не было даже на то, чтобы дойти до своего угла. Поэтому он решил рискнуть.

Судья за столом взял в руки железный молоточек, готовясь через несколько секунд сделать прощальное движение в сторону гонга. Тренеры отпустили канаты и выпрямились, ожидая дребезжание знакомого звука. Рефери наклонился вперёд, готовясь развести спортсменов, если они вдруг продолжают поединок после сигнала. Он был ближе всех, поэтому прекрасно видел, что произошло дальше: Богдан наклонил правое плечо вниз, как будто провалился вниз, а затем вдруг выбросил руку вверх, разогнав её от самого пояса, и перчатка, не встретив сопротивления, угодила противнику прямо в подбородок. Вздвогнув, синий шлем, как кочан капусты, откинулся назад, колени боксёра подкосились, и тело медленно завалилось на ринг, после чего раздался финальный звук медного гонга. Рефери на мгновение замер с поднятой рукой. Потом пришёл в себя и замахал тренеру, чтобы тот поспешил на помощь. Сам он уже опускался на колено, чтобы разорвать липучку на обратной стороне шлема.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.